

У. Ю.
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА

ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА
КОРСУНСКАГО.

(† 10-го Декабря 1899 года)

Библиотека

Х СИК	
в	Духовной
в	б
л. № 69646	

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА.

СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ.

1900.

Иванъ Николаевичъ
КОРСУНСКІЙ.

БИБЛЕЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

БОГОСЛОВСКИЙ

ДАЧА ДЛЯ ДУХОВНОЙ

СЛУЖБЫ

Л. № 69646

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА КОРСУНСКАГО.

(† 10 декабря 1899-го года).

12-го декабря истекшаго 1899 года Московская Духовная Академія схоронила своего ординарного профессора, доктора богословія, Ивана Николаевича Корсунского. Въ лицѣ по- чившаго сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся дѣяте- лей академической семьи, неутомимый труженикъ, заявив- шій себя многими заслугами въ области богословской науки, духовнаго просвѣщенія и христіанской благотворительности.

Иванъ Николаевичъ былъ сыномъ бѣднаго причетника одного изъ сельскихъ приходовъ Тульской епархіи. Не имѣя для жизненнааго пути никакого запаса, кромѣ природныхъ способностей, онъ долженъ былъ, подобно многимъ другимъ дѣятелямъ, вышедшимъ изъ духовнаго сословія, пробивать себѣ дорогу своимъ собственнымъ трудомъ. Начальное образо- ваніе онъ получилъ въ мѣстномъ духовномъ училищѣ и, затѣмъ, продолжилъ его въ Тульской семинаріи, которую окон- чилъ въ 1870 году. Прекрасныя дарованія, образцовое при- лежаніе и въ связи съ тѣмъ отличные успѣхи уже и тѣ- перь обратили на него особое вниманіе, и онъ тотчасъ же по окончаніи курса Правленіемъ семинаріи былъ отправленъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію, куда и поступилъ въ числѣ студентовъ первого десятка. Резуль- таты академического курса оказались еще болѣе блестящи: въ 1874 году Иванъ Н-ичъ вышелъ изъ Академіи первымъ магистрантомъ богословскаго отдѣленія и вскорѣ же (26 Іюля 1874 г.) получилъ назначеніе на должность преподавателя греческаго языка въ родную Тульскую семинарію. Нужно ду- мать, что еще на студенческой скамьѣ для Ив. Н-ча опре- дѣлилась та ученая специальность, которой онъ остался въ-

ренъ въ теченіи всей своей жизни. Въ Академіи онъ слушалъ греческій языкъ и притомъ у такого знатока этого предмета, какъ покойный Ректоръ Академіи, С. К. Смирновъ; точно также и на четвертомъ курсѣ, согласно требованіямъ старого устава, онъ практиковался и пробныя лекціи сдавалъ по этой же наукѣ. Вѣроятно, и самое назначеніе его въ преподаватели именно греческаго языка состоялось не безъ его личнаго согласія,—что предполагалось уже само собой при прежнемъ порядкѣ опредѣленія кандидатовъ Академіи на службу. Впрочемъ, на этотъ разъ ему не пришлось долго заниматься своимъ избраннымъ предметомъ въ Тульской семинаріи. Въ 1876 году онъ перешелъ на должность смотрителя Тульскаго же духовнаго училища, гдѣ весьма скоро зарекомендовалъ себя съ самыхъ лучшихъ сторонъ. Соединяя въ себѣ общительный и мягкий характеръ съ любящимъ сердцемъ, Ив. Н.-чъ какъ бы самой природой былъ приспособленъ къ тому, чтобы руководить начинающими свое дѣло дѣтьми въ непривычной для нихъ школьной обстановкѣ, облегчать для нихъ своимъ ласковымъ обхожденiemъ горькій корень ученія. Нижепечатаемыя воспоминанія о немъ, какъ смотрителѣ, двухъ его учениковъ по училищу,—теперь профессоровъ Московской Академіи¹⁾,—показываютъ, что въ отношеніи къ своимъ ученикамъ это былъ скорѣе попечительный отецъ, старшій и занимательный товарищъ, а никакъ не грозный начальникъ. Педагогическія заботы Ив. Н.-ча оцѣнены были и ближайшимъ его начальствомъ; когда менѣе, чѣмъ чрезъ четыре года, онъ оставлялъ и Тулу, и смотрительство въ училищѣ, ему была объявлена благодарность мѣстной Епархіальной власти „за особые его труды и примѣрное усердіе по сей должности“.

Но Тула была сферой слишкомъ узкой для примѣненія богатыхъ способностей Ив. Н.-ча. Его тянуло къ Академіи съ ея высокими учеными интересами, неисчерпаемыми книжными сокровищами и полною возможностью работать въ излюбленной области науки. И вотъ, когда въ 1878 году въ Московской Дух. Академіи открылась должность библіоте-

¹⁾ Разумѣемъ произнесенные надъ гробомъ Ив. Н.-ча рѣчи профессоровъ С. С. Глаголева и П. В. Тихомирова.

каря, Ив. Н-ичъ поспѣшилъ воспользоваться представившимся случаемъ, подалъ прошеніе въ Совѣтъ Академіи и, затѣмъ, былъ избранъ и утвержденъ библіотекаремъ. Выборъ новаго библіотекаря оказался какъ нельзя болѣе удаченъ. Обширнѣйшая академическая библіотека давно уже нуждалась въ энергичномъ, преданномъ труду и знающемъ свое дѣло работнику. Заключая въ себѣ рѣдкое по древности и цѣнности собраніе изданий, обладая богатѣйшей литературой по богословскимъ наукамъ, которой въ настоящее время удивляются даже иностранцы, она еще не имѣла надлежаще составленнаго, полнаго и отвѣчающаго научнымъ требованіямъ, систематического каталога. Книжныя богатства были скрыты внутри библіотеки, оставались неизвѣстными постороннему ученому миру, да и своими профессорами добывались съ большими затрудненіями. Съ чуткостью истиннаго библіофila Ив. Н-чъ понялъ научную важность и практическую неотложность подробнаго описанія библіотеки и съ первого же года своего библіотекарства, вмѣстѣ съ занятіями по управлению библіотекой, принялъся за составленіе его. Дѣло пошло съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Въ 1882 году уже вышелъ изъ печати первый выпускъ „Систематическаго каталога книгъ Моск. Дух. Академіи“, содержащей въ себѣ 1997 названій книгъ и изданий, относящихся къ тексту Св. Писанія и его изученію, а за нимъ скоро послѣдовали еще четыре выпуска, изъ которыхъ послѣдній—пятый—былъ напечатанъ въ 1889 г. Академія съ самаго же начала привѣтствовала этотъ подарокъ, важный не только для нея, но и для всего ученаго міра. Такъ, ревизія библіотеки за 1879-80 учеб. годъ отмѣчала въ своемъ отчетѣ: „главное и самое полезное дѣло, предпринятое въ истекшемъ учебномъ году, есть безъ сомнѣнія составленіе систематического каталога, которое ведется самимъ библіотекаремъ. Вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу видно уже изъ напечатанныхъ частей каталога ¹⁾), а наше личное наблюденіе ознакомило насъ еще съ трудностями этой работы, зависящими отъ непол-

¹⁾ Каталогъ печатался въ тогдашнемъ академическомъ журналь „Творенія Св. Отцевъ съ приложеніями“, — и печатался микроскопическими долями, чѣмъ весьма замедлялось появленіе выпусковъ въ законченномъ видѣ.

ноты и несовершенства прежнихъ катаоложныхъ описаній. Большую часть книгъ ему приходится описывать вновь, чтобы каждой дать свое мѣсто въ каталогѣ. Всѣ трудности преодолѣваются имъ съ настойчивостю и усердiemъ, заслуживающимъ полнаго одобренія (Журналы Совѣта, 1880, 231. 232)“. И, дѣйствительно, настойчивости и усердія требовалось не мало. О количествѣ труда, положеннаго Ив. Н-чесмъ въ это предпріятіе, можно судить уже по тому одному, что имъ описано было 11,455 названій книгъ, при чёмъ нерѣдко одно название скрываетъ подъ собой десятки, а иногда и сотни книгъ. Въ изданіяхъ многотомныхъ отмѣчено ихъ содержаніе, и къ каждому тому каталога приложенъ образцово составленный указатель, облегчающій пользованіе имъ. Понятно, что эти многолѣтнія и тщательныя занятія по библіотекѣ должны были создать въ Ив. Н-чѣ рѣдкое знаніе книжныхъ сокровищъ; его можно было назвать ходячей библіотекой; онъ зналъ не только то, имѣется-ли известное изданіе въ академической библіотекѣ, но и то, въ какомъ отдѣлениі и даже въ какомъ шкафѣ оно хранится, и охотно дѣлился своими свѣдѣніями съ желающими. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что другія болѣе важныя обязанности понудили его отказаться отъ окончанія каталога: безъ сомнѣнія, подъ его опытнымъ руководствомъ каталогъ, съ тѣхъ поръ крайне медленно движущійся впередъ, гораздо скорѣе приблизился бы къ своему давно всѣми ожидаемому завершенію ¹⁾.

Служба Ив. Н-ча академической наукѣ въ званіи библіотекаря была только кратковременной переходной стадіей на его жизненномъ пути. Его ожидало другое, болѣе почтенное назначеніе, на которое онъ имѣлъ безспорное право по сво-

1) Несколько позднѣе Ив. Н-чу еще разъ пришлось оказать важную услугу академической библіотекѣ въ дѣлѣ пожертвованія покойнымъ Саввой, Архиеп. Тверскимъ, своего книжного собранія въ Академію. Это пожертвованіе, цѣнность котораго самимъ Ив. Н-чесмъ опредѣлялась по крайней мѣрѣ въ 50,000 р., состоялось преимущественно подъ его вліяніемъ; равнымъ образомъ выборъ подходящихъ книгъ и переправка ихъ въ Академію производились при личномъ его содѣйствіи и руководствѣ. Въ свое время Совѣтъ Академіи выразилъ ему за это свою благодарность и представилъ его особому вниманію Его Преосв. Митрополита Сергія.

имъ способностямъ. Въ томъ же 1879 году, когда онъ занялъ мѣсто библіотекаря, тогдашній Ректоръ Академіи, протоіерей С. К. Смирновъ, читавшій лекціи по греческому языку, вошелъ въ Совѣтъ съ предложеніемъ о необходимости имѣть себѣ помощника по исполненію профессорскихъ обязанностей и для этой цѣли рекомендовалъ Совѣту Ив. Н.-ча, какъ человѣка, извѣстнаго ему по своимъ познаніямъ въ области греческаго языка. Академіческій Совѣтъ принялъ предложеніе о. Ректора, и Ив. Николаевичъ, по сдачѣ диссертациіи *pro venia legendi*, 9 Янв. 1880 г. утвержденъ былъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ греческаго языка. Новое назначеніе составило собой поворотный моментъ въ жизни Ив. Н.-ча; возвращая его къ болѣе глубокому изученію уже хорошо знакомаго предмета, оно въ тоже время открывало для него полную возможность къ всестороннему проявленію своихъ талантовъ и прямо призывало его къ ученымъ занятіямъ, къ которымъ онъ давно чувствовалъ склонность и которыхъ съ этихъ поръ не прекращались для него до самой смерти. Впрочемъ, въ первые годы своей службы въ качествѣ приватъ-доцента онъ еще не покидалъ должности библіотекаря; быть можетъ, скудное материальное вознагражденіе, какое по старымъ академическимъ штатамъ полагалось приватъ-доцентамъ (500 р.), не позволяло ему,— тогда уже семейному человѣку,—отказаться отъ обременительныхъ обязанностей, связанныхъ съ завѣданіемъ библіотекой. Все-таки за это время ему удалось выполнить такое важное дѣло, какъ приобрѣтеніе магистерской степени. Представивъ магистерскую диссертацию въ рукописи еще въ 1879 году, онъ въ 1882 г. издалъ ее въ печати подъ заглавиемъ: „Іудейское толкованіе Ветхаго Завѣта. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи толкованія Ветхаго Завѣта въ періодъ новозавѣтный“ и затѣмъ, удовлетворительно сдавши публичный диспутъ, былъ въ томъ же году утвержденъ въ степени магистра богословія. Приобрѣтеніе этой степени имѣло для него важное значеніе въ томъ отношеніи, что оно укрѣпляло его положеніе въ Академіи, особенно въ виду предполагавшагося тогда скораго введенія нового устава, требовавшаго отъ приватъ-доцентовъ, прослужившихъ не менѣе двухъ лѣтъ, магистерской степени. Съ введеніемъ нового устава, послѣдовавшимъ въ 1884 году, Ив. Н.-чъ тотчасъ же и былъ

избранъ уже доцентомъ по каѳедрѣ греческаго языка; теперь онъ отказался отъ должности библіотекаря, и для него настала пора неутомимой, не отвлекаемой сторонними официальными обязанностями, ученой и литературной дѣятельности. Успѣхами этой дѣятельности опредѣлилось и дальнѣйшее его движеніе по лѣстницѣ академическихъ званій; въ 1891 году онъ былъ избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Академіи, а въ 1898 годѣ, по представлениіи докторской диссертациі, о которой рѣчь будетъ ниже, достигъ званія ординарнаго профессора.

Какъ профессоръ, Ив. Н-чъ заявилъ себя двумя драгоцѣнными въ этомъ положеніи качествами: прекраснымъ знаніемъ своей науки и примѣрною любовью къ своему дѣлу. Начавъ специальнное изученіе греческаго языка, какъ мы видѣли, еще на студенческой скамьѣ, онъ вступилъ на профессорскую каѳедру вполнѣ подготовленнымъ къ исполненію этихъ обязанностей, и все-таки не оставляя изученія своего предмета въ теченіи всей своей академической службы. Эти продолжительныя и сосредоточенные занятія греческимъ языкомъ сдѣлали Ив. Н-ча выдающимся знатокомъ его, — такимъ, какіе въ настоящее время встрѣчаются только, какъ исключеніе. Онъ зналъ греческую рѣчь во всѣхъ ея тонкостяхъ и прекрасно изучилъ какъ древне-греческую, классическую литературу, такъ и греческіе памятники христіанской эпохи. „Знаніе греческаго языка,—говорить одинъ изъ рецензентовъ его докторской диссертациі подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ чтенія его книги,—настолько хорошо у него, что онъ положительно перестаетъ для него быть мертвымъ языкомъ, а становится живымъ, едва не роднымъ (Жур. Сов. 1897, 472). Естественно отсюда, что и его лекціи по греческому языку давали слушателямъ обильное и интересное содержаніе, стоявшее всегда на высотѣ научныхъ требованій. Къ своимъ обязанностямъ по части чтенія лекцій Ив. Н-чъ относился очень строго; чрезвычайно аккуратный, тщательный во всѣхъ своихъ поступкахъ, онъ не терпѣлъ пропускать лекцію или запоздать на нее. Даже въ то время, когда предсмертная болѣзнь окончательно приковала его къ постели, главнымъ предметомъ его тревоги служилъ вопросъ о лекціяхъ. Но любопытно, что это ригористическое исполненіе Ив. Н-емъ своего профессорскаго долга

отнюдь не ложилось какимъ-нибудь тяжелымъ ярмомъ на его слушателей. Въ отношеніи къ студентамъ онъ былъ весьма снисходителенъ. Хорошо понимая, что изученіе греческаго языка въ Академіи на ряду съ главицкими богословскими науками можетъ имѣть лишь вспомогательное значеніе, онъ цѣнилъ только свободныя усилія учащихся и былъ далекъ отъ всякихъ искусственныхъ, понудительныхъ мѣръ, отъ всякаго насильственного подтягиванія. Подобныя мѣры положительно претили его гуманной, въ высшей степени мягкой натурѣ. За то студентъ, интересовавшійся какимъ-либо вопросомъ изъ области, близкой Ив. Н-чу, или испытывавшій какое либо затрудненіе, всегда могъ обращаться къ нему и находилъ въ немъ опытнаго руководителя, помогавшаго всѣмъ, что онъ зналъ и имѣлъ. Его профессорскій кабинетъ ежечасно былъ открытъ для всѣхъ студентовъ, и каждому, входившему туда съ жаждою знанія, онъ готовъ былъ читать цѣлую лекцію. Продолжавшіяся за все время службы Ив. Н-ча при Академіи постоянныя сношенія съ студентами имѣли для нихъ немалое образовательное и воспитательное значеніе, и это понимали сами студенты и дорожили ими. Лучшимъ доказательствомъ сказанного могутъ служить нижепомѣщенные рѣчи студентовъ, проникнутыя чувствами признательности и благодарности къ Ив. Н-чу за его добрыя отношенія къ нимъ.

Собственно профессорскія обязанности, при всей внимательности, съ какою исполнялъ ихъ Ив. Н-чъ, не поглощали у него всего времени; прекрасное знаніе своей науки давало ему возможностьправляться съ ними легко, и у него оставалось не мало свободныхъ часовъ, которые онъ и посвящалъ главнымъ образомъ ученымъ и литературнымъ трудамъ. Эти труды составляютъ собой самую видную, самую богатую сторону его дѣятельности въ теченіи двадцатилѣтней службы въ Академіи; въ ней наиболѣе наглядно проявились присущіе ему таланты: обширныя знанія, ученость и рѣдкое трудолюбіе; ей же онъ обязанъ и своего популярностью среди русской (по преимуществу духовной) читающей публики. Одна черта въ особенности поражаетъ при знакомствѣ съ этой стороной занятій Ив. Н-ча: это—его необыкновенная плодовитость. Ив. Н-чъ писалъ очень много, писалъ постоянно и по различнымъ вопросамъ. Можно сказать, что литературный трудъ составлялъ для

него необходимую потребность, безъ которой онъ не могъ чувствовать себя довольнымъ. Пере его не знало устали и одинаково легко работало какъ надъ ученой диссертацией, такъ и надъ мелкой замѣткой, вызванной интересомъ дня. Нерѣдко случалось, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы, что онъ одновременно велъ нѣсколько литературныхъ работъ,—занимался изслѣдованіемъ какого-нибудь специально—научнаго вопроса, готовилъ статью въ повременное изданіе и въ тоже время удавалъ отзываться на текущія события. Многіе наши духовные журналы имѣли въ немъ наиболѣе дѣятельнаго своего сотрудника, который, въ добавокъ къ прочимъ достоинствамъ, отличался еще тѣмъ драгоцѣннымъ для редакцій свойствомъ, что почти не могъ противиться навязываемымъ ему предложеніямъ. Выступивъ на литературное поприще тотчасъ по окончаніи Академіи, еще въ бытность свою преподавателемъ Тульской семинаріи, Ив. Н-чъ продолжалъ быть на немъ неутомимымъ работникомъ до тѣхъ поръ, пока не застигла его болѣзнь, преждевременно оторвавшая его отъ многихъ начатыхъ работъ. И онъ оставилъ послѣ себя поразительное по своему обилію литературное наслѣдство: въ извѣстномъ намъ спискѣ его трудовъ, составленномъ однимъ изъ его почитателей, значится болѣе 200 наименованій отдѣльныхъ изслѣдованій, книгъ и статей, при чемъ въ счетъ не вводятся мелкія корреспонденціи, замѣтки, библиографическія сообщенія и пр.

Кругъ интересовъ Ив. Н-ча, какъ литературнаго дѣятеля, былъ очень широкъ: Слово Божіе, вопросы греческой филологии, исторія русской церкви, іерархи ея новѣйшаго періода, исторія и ученая дѣятельность Академіи, вопросы и события церковной и общественной жизни—все это занимало его и вызывало такой или иной откликъ себѣ. Но, какъ человѣкъ богословски образованный и профессоръ духовной Академіи, главнымъ предметомъ своихъ ученыхъ работъ онъ сдѣлалъ Слово Божіе, удачно приложивъ къ изученію его свои богатыя филологическія познанія. Эта серія работъ начата была имъ очень рано и продолжалась до конца его жизни. Она открывается уже упомянутой нами его магистерской диссертацией объ іудейскомъ толкованіи Ветхаго Завѣта, представленной, какъ мы видѣли, при самомъ поступленіи его на службу въ Академію. За магистерской диссертацией,

какъ ея прямое продолженіе, вскорѣ же появилось въ свѣтъ новое изслѣданіе подъ заглавіемъ „Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта (Москва, 1885)“. Обѣ книги были приняты русской богословской наукой, какъ цѣнныи вкладъ въ нее, представляющій „первый самостоятельный и удачный опытъ рѣшенія взятыхъ вопросовъ съ православной точки зрења (изъ отзыва о нихъ В. Д. Кудрявцева, Жур. Сов., 1885, 31)“. Московская Дух. Академія удостоила ихъ половинной преміи Высокопреосв. Макарія. Въ связи съ указанными изслѣданіями задуманъ былъ Ив. Н-чесъ и третій въ этой области, самый солидный его ученый трудъ, заслуженно доставившій ему степень доктора богословія: это — его „Переводъ LXX-ти. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности (Троице-Сергіева Лавра, 1898)“. Въ этомъ трудѣ Ив. Н-чъ задался грандіозной цѣлію изучить языкъ перевода LXX-ти въ его отличіи отъ языка классическаго и прослѣдить его вліяніе на позднѣйшую, главнымъ образомъ, церковную греческую письменность. Тема въ полномъ ея объемѣ была новой не только для русской, но и для западной богословской литературы и, при всемъ трудолюбіи и филологическихъ познаніяхъ Ив. Н-ча, потребовала отъ него болѣе 10-ти лѣтъ упорной, кропотливой работы. За то и его изслѣданіе оказалось дорогимъ подаркомъ наукѣ, обнаружившимъ наглядно богатство филологической эрудиціи и неисчерпаемую энергию автора. Представленное на разсмотрѣніе Совѣта Академіи, оно заслужило самые лестные отзывы обоихъ рецензентовъ, согласно признавшихъ его трудъ имѣющимъ важное значеніе „какъ для исторіи греческаго языка, такъ и для библейской текстуальной критики,“ и притомъ, „не только для нашей отечественной, но для заграничной литературы (Жур. Сов. 1887, 466. 452)“. Ив. Н-чъ, впрочемъ, не успокоился и на этихъ блестящихъ результатахъ, достигнутыхъ его изслѣданіемъ; въ качествѣ необходимаго дополненія къ нему онъ задумалъ издать „словарь перевода LXX-ти съ церковно-славянскими и русскими значеніями словъ и съ подраздѣленіемъ его на отдѣлы по употребленію этихъ словъ въ памятникахъ языческой и церковной письменности“. Словарь долженъ быть дать въ себѣ солидное и давно ожидаемое руководство не только къ изученію греческой Бібліи, но и къ правильному

пониманію произведеній святоотеческой и літургической літературы. Матеріалы для этой работы уже приготавлялись Ив. Н-чемъ и только неожиданная смерть помѣшала ея осуществленію. Къ этой же серіи работъ, относящихся къ изслѣдованію текста Св. Писанія, принадлежать и его труды по исторіи перевода Библіи на русскій языкъ, представляющіе также большой научный интересъ. Составленные на основаніи архивныхъ документовъ, лично разсмотрѣнныхъ авторомъ, они отличаются детальностью и безусловной точностью своихъ показаній и даютъ не только очеркъ виѣшняго хода работъ по переводу Библіи, но и знакомить съ внутреннимъ его характеромъ. Главнѣйший изъ этихъ трудовъ „О подвигахъ Филарета, Митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ (Москва, 1893)“ былъ въ свое время увѣнчанъ Академіей Наукъ Уваровской преміей.

Другую, болѣе цѣльную группу изъ литературнаго наслѣдія, оставленнаго Ив. Н-чемъ, составляютъ его біографіи выдающихся нашихъ іерарховъ новѣйшаго періода и вообще духовныхъ дѣятелей. Искренній сынъ русской церкви, Ив. Н. глубоко чтиль ея іерарховъ, съ почтеніемъ изучалъ ихъ дѣятельность, тщательно собирая о нихъ справки и при удобномъ случаѣ знакомилъ читающую публику съ результатами своихъ наблюденій. Этого рода труды Ив. Н-ча очень многочисленны. Въ нашей духовной журналистикѣ они создали для него въ нѣкоторомъ смыслѣ особое положеніе специального обозрѣвателя жизни наиболѣе замѣчательныхъ іерарховъ,—своего рода „Плутарха¹⁾“ русской церковной іерархіи за новѣйшій періодъ. Составленные иногда при жизни самихъ описываемыхъ лицъ (напр. біографіи Пресвѣтыхъ Амвросія Харьковскаго, Виссаріона Костромскаго), или вскорѣ послѣ смерти ихъ, еще подъ живыми впечатлѣніями отъ ихъ личности, эти очерки, конечно, не заключаютъ въ себѣ объективно-полного воспроизведенія и всесторонней оцѣнки изображаемыхъ въ нихъ дѣятелей, но по этому самому къ подобнымъ работамъ и нельзя примѣнять строгой исторической критики. За то всѣ они отличаются точными документально проverifiedными свѣдѣніями, изоби-

¹⁾ Такъ назвалъ его Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ въ бытность свою въ Московской Академіи въ 1895 г.

лують характерными подробностями и въ общемъ даютъ цѣнную и поучительную для православнаго читателя галлерею пастырей русской церкви. Изъ почившихъ іерарховъ Ив. Н-ча особенно увлекалъ мощный образъ Приснопамятнаго Святителя Московской церкви, Митрополита Филарета, изученію котораго онъ посвятилъ цѣлый рядъ книгъ и брошюръ. Не перечисляя всѣхъ его работъ о Филаретѣ, мы укажемъ на огромный трудъ его, содержащій въ себѣ какъ бы итогъ всѣхъ его долговременныхъ занятій Московскимъ Архипастыремъ, подъ заглавіемъ: „Святитель Филаретъ, Митрополитъ Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Московской каѳедрѣ по его проповѣдямъ (Харьковъ, 1895)“. Книга эта, или, лучше сказать, книжища (1053 стр.) писалась Ив. Н-емъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и по обилію собраннаго въ ней материала является единственою въ нашей литературѣ о Филаретѣ. Изъ другихъ біографій, составленныхъ Ив. Н-чесмъ, слѣдуетъ, какъ заслуживающія особынаго вниманія, отмѣтить его статьи объ Иннокентіи, Митрополитѣ Московскому, печатавшіяся въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“¹⁾, біографическій очеркъ Преосв. Феофана, бывшаго епископа Владимірскаго (Тамбовскаго,—Москва, 1895), біографіи Сергія, Митрополита Московскаго, Саввы, Архіеп. Тверскаго (печат. въ Русскомъ Вѣстнику), Антонія, Архіеп. Казанскаго (посмертный трудъ, печат. въ журналѣ „Вѣра и Церковь“). Это литературное чествованіе памяти нашихъ лучшихъ іерарховъ всегда было любимымъ занятіемъ Ив. Н-ча, за которое онъ брался съ охотою; съ чувствомъ почтенія описывая ихъ жизнь, выставляя на видъ ихъ духовные и пастырские подвиги, онъ въ созерцаніи ихъ духовной мъщи какъ бы искалъ отдыха себѣ отъ суety и дрязгъ будничной жизни.

Постоянная ученая и литературная работа, требующая для себя кабинетной замкнутости, по-видимому, должна была бы отдалить Ив. Н-ча отъ живыхъ людей и ихъ обыденныхъ интересовъ. На самомъ же дѣлѣ этого не было. Изучая мертвый языкъ и умершихъ дѣятелей, Ив. Н-чъ оставался на-

¹⁾ Къ сожалѣнію обѣщанная имъ послѣдняя статья о содѣйствіи Митрополита Иннокентія учрежденію въ Московской Академіи каѳедры естественно-научной апологетики осталась ненаписанной, какъ, впрочемъ, и многое другое изъ предположеннаго Ив. Н-емъ.

турой крайне живой, отзывчивой, и не только не прерывалъ сношений съ окружающимъ его обществомъ, а напротивъ дорожилъ этими сношениями и, при всей массѣ собственныхъ занятій, былъ однимъ изъ энергичныхъ членовъ общества. Въ академическомъ кругу онъ являлся всегда желаннымъ человѣкомъ, искренно раздѣлявшимъ его печали и радости, готовымъ помочь и услужить всѣмъ, что было въ его власти. Необыкновенно сдержаннй, скромный, никогда не говорившй о своихъ заслугахъ и очень рѣдко—о своихъ трудахъ, онъ безусловно не позволялъ себѣ никакого рѣзкаго, неловкаго слова и со всѣми находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Его домъ и семья собирали у себя всю профессорскую корпорацію, и здѣсь, въ свободные часы (у него былъ назначенъ для сего опредѣленный день въ недѣлѣ), самъ хозяинъ, обладавшй превосходнымъ голосьмъ, замѣчательный пѣвецъ, искусный чтецъ и разсказчикъ, являлся душою, оживлявшей все общество. И эта общительность, эта готовность къ услугамъ не ограничивалась тѣсными предѣлами академическихъ сослуживцевъ; она простидалась гораздо дальше, къ меньшей братіи, и здѣсь выражалась уже въ формѣ благотворительности. Благотворительность, можно сказать, составляла такую же существенную стихію жизни Ив. Н-ча, какъ ученая и литературная дѣятельность. Всѣ, служащія этой цѣли, учрежденія Сергієва посада имѣли его своимъ сотрудникомъ, при чемъ обыкновенно случалось такъ, что главная масса работы въ этихъ учрежденіяхъ какъ по самой ихъ организаціи и пріобрѣтенію средствъ, такъ и по веденію дѣла падала именно на Ив. Н-ча. И онъ никогда не отказывался отъ этой работы и не тяготился ею. Такъ, онъ состоялъ казначеемъ Братства Преп. Сергія, существующаго при Академіи для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, предсѣдателемъ Общества Преп. Сергія и Никона для бѣдныхъ жителей Сергіева посада, членомъ Совѣта Александро-Маріинскаго дома призрѣнія, секретаремъ Общества Краснаго Креста, казначеемъ сергіево-посадскихъ „ясель“, членомъ Общества спасанія на водахъ. Все это налагало на Ив. Н-ча лишнія заботы, требовало отъ него не мало трудовъ и времени. И онъ умѣлъ дорожить временемъ, какъ никто другой; онъ выработалъ себѣ своеобразный порядокъ жизни, отъ которого

позволяль себѣ отступать лишь въ крайне-рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Вставая въ четыре или даже въ три часа утра, онъ тотчасъ же принимался за ученую или литературную работу, за которую и проводилъ все утро; затѣмъ, начиналась его профессорская или общественная дѣятельность: онъ шелъ или въ Академію на лекціи, въ библиотеку за справками, или исполняль разныя порученія и обязанности по участію въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; вечеромъ, если не предстояло какихъ-либо засѣданій, снова начиналась ученая и литературная работа. Рѣдкій день нельзя было его встрѣтить на улицахъ посада, спѣшащимъ по какому-либо дѣлу съ портфелемъ въ рукахъ или съ карманами, набитыми бумагами. Въ самой походкѣ, въ рѣчи, въ манерѣ держать себя было у него что-то порывистое, торопливое, какъ будто онъ боялся куда—нибудь опоздать или потерять даромъ одну минуту. Короче, это былъ человѣкъ, который совсѣмъ не зналъ, что значитъ бездѣлье.—Не менѣе, если не болѣе, широка была и его частная благотворительность. Многочисленный бѣдный людъ, пріютившійся около обители преп. Сергія, имѣлъ въ немъ щедраго помощника, хорошо зналъ его и повсюду осаждалъ своими просыбами. Самъ Ив. Н-чъ тщательно скрывалъ эту сторону своей души отъ взора постороннихъ, и только уже послѣ смерти его стало всѣмъ извѣстно, что напр. почти весь свой, довольно обильный литературный заработокъ онъ раздавалъ нуждающимся жителямъ Сергіева посада. (Ласковое обхожденіе, сострадательность, готовность помочь ближнему сдѣлали его популярнѣйшей личностью среди посадскаго населенія, у котораго онъ, какъ въ профессорскомъ обществѣ и среди студентовъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ „добрѣйшаго“).

Непрерывный, напряженный трудъ, характеризующій собой жизнь Ив. Н-ча, долженъ былъ печально сказать и не на такомъ хрупкомъ организмѣ, какимъ надѣленъ былъ онъ отъ природы. Зачатки болѣзни, приведшей его къ смертному одру, явились у него очень рано, но только два года тому назадъ болѣзнь стала принимать рѣзкія формы. Обостренію положенія Ив. Н-ча наиболѣе способствовали его усиленныя занятія по составленію докторской диссертации. Диссертациѣ была представлена имъ въ концѣ 1897 года,

а весной 1898 года онъ былъ уже принужденъ отправиться въ Крымъ для возстановленія своихъ силъ. Сначала поѣздка принесла было благопріятные результаты. Не любившій терять даромъ времени, Ив. Н-чъ по возвращеніи изъ Крыма съ новой энергией принялъся за свои обязанности; въ теченіи всего 1898—1899 года онъ исправнѣйшимъ образомъ читалъ лекціи, сотрудничалъ во многихъ журналахъ и успѣлъ составить нѣсколько новыхъ литературныхъ работъ. Но это послѣднее напряженіе тяжело отразилось на его здоровыи къ концу учебныхъ занятій, такъ что новое путешествіе въ Крымъ не принесло уже осязательной пользы. Къ осени прошлаго года положеніе Ив. Н-ча настолько осложнилось, что онъ долженъ былъ оставить Сергіевъ посадъ и отправиться въ Москву въ университетскія клиники для систематического лечения. Скоро, однако, и отсюда стали получаться слухи, встревожившіе всѣхъ его знакомыхъ; особенно же тяжелы они были для Академіи и академической корпораціи. Печаль усиливало еще то обстоятельство, что въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1899 года только что исполнилось двадцатипятилѣтіе учебной службы Ив. Н-ча, но Академія отчасти по причинѣ каникулярнаго времени, отчасти по другимъ соображеніямъ и не предвидя ничего печальнаго въ будущемъ, не могла ознаменовать должнымъ образомъ этотъ день, отложивъ свои намѣренія до начала учебныхъ занятій. Однако, этимъ намѣреніямъ уже не суждено было осуществиться; все-таки, впрочемъ, профессорская корпорація не оставила своего почтеннаго сослуживца безъ всякаго выраженія своей признательности по поводу исполнившагося юбилея. По желанію ея, въ заранѣе назначенный день большаго нарочито посѣтилъ Ректоръ Академіи Преосвященный Арсеній и передалъ ему сочувственное привѣтствіе и подношеніе сослуживцевъ—икону Преп. Сергія.—Вообще, болѣзнь Ив. Н-ча вызвала общее проявленіе сочувствія къ нему всѣхъ знатившихъ его людей; Ректоръ Академіи и сослуживцы неоднократно посѣщали его въ Московскихъ клиникахъ. Удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ, между прочимъ, и Высокопреосв. Владиміръ, Митрополитъ Московскій, бесѣда которого доставила большое утѣшеніе больному. Но ни тщательный уходъ врачей, ни заботы родныхъ и знакомыхъ не въ силахъ были предотвратить роковой исходъ.

Подавъ въ отставку отъ службы, Ив. Н-чъ къ началу зимы уже въ безнадежномъ положеніи возвратился домой и сталъ готовиться къ неизбѣжному концу. Глубокая религіозность и истинно христіанская вѣра, одушевлявшая всегда Ив. Н-ча, сказались теперь въ немъ со всей силой; съ удивительнымъ терпѣniемъ онъ переносилъ страданія, заблаговременно успѣль исповѣдаться, причастился и принялъ елеосвященіе. 10-го Декабря въ 2 часа по полуночи, окруженный семьей и родными, онъ тихо и мирно отошелъ въ вѣчность.

Вѣсть о кончинѣ Ив. Н-ча еще раннимъ утромъ облетѣла Сергиевъ посадъ и повсюду принята была съ глубокимъ сожалѣniемъ. Въ академическомъ храмѣ, какъ только оказалось возможнымъ собрать всѣхъ служащихъ, тотчасъ же была совершена торжественная панихида Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи и всѣмъ академическимъ духовенствомъ. Отслужены были также панихиды въ другихъ мѣстахъ, гдѣ новопредставленный былъ сотрудникомъ или имѣль почитателей, какъ-то въ Лаврѣ, въ церкви дома призрѣнія, въ помѣщеніи Общества Сергія и Никона. У тѣла же почившаго молитвенное пѣніе объ упокоеніи его души почти не прекращалось: академическое духовенство, Виѳанская духов. семинарія, монашествующая братія изъ Лавры Преп. Сергія и окружающихъ ее обителей, причты приходскихъ церквей посада поочередно смынялись здѣсь въ молитвѣ за усопшаго. Домъ Ив. Н-ча былъ открытъ, и сюда сходились всѣ, желавшіе отдать ему послѣдній долгъ.—На другой день (11 Дек.) въ академической церкви отслужена была о. Инспекторомъ заупокойная литургія въ присутствіи корпораціи и студентовъ, а въ 5 ч. вечера этого дня состоялся выносъ тѣла почившаго въ академическую церковь. На выносъ въ домъ покойного собрались о. Инспекторъ Академіи, члены академического и приходского духовенства, профессора, студенты и представители мѣстнаго населенія, насколько это допускали размѣры помѣщенія. На гробъ почившаго теперь возложены были вѣнки отъ сослуживцевъ, студентовъ, членовъ Братства Пр. Сергія и пр. По прибытии Преосв. Арсенія, началось панихидное пѣніе, во время котораго произнесъ рѣчь студентъ IV курса Александръ Левитскій ¹⁾; затѣмъ, гробъ съ тѣломъ почившаго былъ

¹⁾ Эта, какъ и всѣ нижеуказанныя рѣчи печатаются здѣсь же.

поднять студентами и процессія, во главѣ съ Преосвященнымъ Ректоромъ, двинулась по направленію къ Лаврѣ. Среди вечерняго мрака, освѣщаемое факелами и свѣчами, въ сопровождениі многочисленнаго духовенства въ бѣлыхъ, блестящихъ облаченіяхъ и массы народа, при заунывномъ звонѣ лаврскихъ колоколовъ, это печальное шествіе представляло собой величественную картину, производившую сильное впечатлѣніе. На пути процессія нѣсколько разъ останавливалась, чтобы совершить литію въ мѣстахъ наиболѣе пріимѣчательныхъ для покойнаго. Въ академическомъ храмѣ гробъ почившаго былъ встрѣченъ краснорѣчивымъ словомъ профессора Н. А. Заозерскаго и, потомъ, началось всенощенное бдѣніе.— Въ слѣдующій день (12 Дек.) заупокойную литургію совершалъ Преосв. Ректоръ Академіи, Епископъ Арсеній въ сослуженіи очень большаго числа духовенства, а именно: Ректора Московской духов. семинаріи, архимандрита Трифона, Инспектора Академіи архимандрита Евдокима, настоятеля Балаклавскаго монастыря въ Крыму игумена Степана, преподавателя Московской семинаріи свящ. Д. Фаворскаго, помощника инспектора Академіи іеромонаха Анастасія, библіотекаря Троице-Сергіевой Лавры іеромонаха Ипполита и четырехъ студентовъ-священниковъ. Во время за причастнаго стиха произнесена была прочувствованная рѣчь профессоромъ С. С. Глаголевымъ. Какъ на литургіи, такъ и на послѣдовавшемъ за ней отпѣваніи присутствовало множество народа, котораго даже не могъ умѣстить въ себѣ довольно обширный академический храмъ. Особенною торжественностью отличалось отпѣваніе: оно открылось рѣчью Преосв. Арсенія о христіанскомъ характерѣ и высокихъ ученыхъ заслугахъ почившаго, глубоко тронувшею слушателей. Затѣмъ, кромѣ служившихъ литургію, въ немъ приняли участіе: казначей Троице-Сергіевой Лавры архимандритъ Никонъ, болгарскій архимандритъ (студентъ Академіи) Антонъ, ректоръ Виѳанской семинаріи протоіерей А. А. Бѣляевъ, игуменъ Амфилохій, благочинный посадскихъ церквей протоіерей Н. Фаворскій, законоучитель Сергіево-посадской мужской гимназіи А. Смирновъ, священникъ Московской церкви „Красный звонъ“ Г. Ф. Виноградовъ, священники посадскихъ церквей: М. Багрецовъ, Г. Раевскій, А. Воскресенскій, Н. Соколовъ и завѣдующій Лаврской иконо-

писной школой іеромонахъ Кронидъ,—всего 22 лица. При стройномъ медленномъ пѣніи академического хора, часто прерываемое рѣчами, отпѣваніе продолжалось не менѣе двухъ часовъ, и только уже въ 3-мъ часу дня гробъ съ тѣломъ Ив. Н-ча, поднятый студентами, былъ вынесенъ изъ церкви. Теперь процессія приняла еще болѣе величественный видъ, чѣмъ наканунѣ. Во главѣ ея парами шло почти все духовенство, участвовавшее въ отпѣваніи, блестая своими свѣтлыми ризами, при чемъ ряды его заканчивались Преосв. Арсеніемъ, сопровождавшимъ почившаго до самой могилы; за гробомъ двигалась вся масса народа какъ стоявшаго въ церкви, такъ и ожидавшая шествія около Академіи; новая толпы, собравшіяся на улицахъ и перекресткахъ, встрѣчали и провожали процессію, а грустный звонъ лаврскихъ колоколовъ не умолкалъ почти до тѣхъ поръ, пока она не достигла кладбищенскихъ предѣловъ. Шествіе не сколько разъ останавливалось, чтобы совершить литію, и тогда народъ густымъ кольцомъ окружалъ гробъ, молясь за умершаго.—По прибытіи на кладбище гробъ съ тѣломъ почившаго внесенъ былъ въ кладбищенскую церковь, и здѣсь въ послѣдній разъ совершена была надъ нимъ панихида, за которую одинъ изъ студентовъ произнесъ рѣчь, а два другихъ прочли свои стихотворенія. Затѣмъ, тѣло почившаго перенесено было къ мѣstu послѣдняго успокоенія и предъ самимъ опусканіемъ гроба въ зіяющую могилу сказана была прочувствованная рѣчь студентомъ. По окончаніи же религіознаго обряда отпѣванія, изъ окружающей толпы выступила простая, бѣдоодѣтая женщина и надъ свѣжей могилой обратилась съ теплыми словами къ почившему, принося ему благодарность за благодѣянія. Простыя, но трогательныя слова женщины, прерванныя плачемъ, сильно подѣйствовали на присутствующихъ; и—правда: эти слова и эти слезы бѣднячки были лучшимъ вѣнкомъ на могилу Ив. Н-ча, любившаго бѣдныхъ.

Въ чувствѣ глубокой скорби, уже въ 5-мъ часу вечера, возвратились съ печальныхъ проводовъ родные и сослуживцы Ив. Н-ча на поминальную трапезу, сознавая, что потеряли хорошаго человѣка, умнаго и неутомимаго дѣятеля. Да будетъ же ему вѣчная память!

A. Спасскій.

Рѣчъ

**Преосвященнаго Арсенія, Ректора Академіи, сказанная предъ
отпѣваніемъ ординарнаго профессора Московской Академіи
Ивана Николаевича Корсунскаго.**

Исполнилось твое желаніе, возлюбленный Иванъ Николаевичъ; исполнилось, быть можетъ, даже скорѣе, чѣмъ ты помышлялъ. Въ послѣдніе предсмертные дни своей страдальческой жизни ты такъ желалъ быть въ родной академической семье. И вотъ теперь ты среди насъ, горячо любящихъ и любимыхъ тобою сослуживцевъ и учениковъ; опять ты въ семь святомъ храмѣ, въ которомъ такъ любилъ молиться.

Но не на радость собралъ ты насъ вокругъ себя; не такимъ желали мы зреТЬ тебя послѣ долгой разлуки; не такую бѣсѣду желали бы вести съ тобою. *Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ, братie и други, сродницы и знаемiи,* взываешь ты къ намъ устами Св. Церкви. Плачутъ, горько плачутъ о тебѣ, возлюбленный собратъ, не только сродницы и други, но и всѣ знаемые, потрясенные и глубоко огорченные преждевременнымъ, по нашимъ человѣческимъ разсчетамъ и соображеніямъ, отшествіемъ твоимъ изъ здѣшняго міра, помышляя о томъ, какая драгоцѣнная жизнь угасла. Скорбить о тебѣ Академія, потерявшая даровитаго сына своего, вѣрою и любовью служившаго ей въ теченіе болѣе двухъ десятилѣтій и пріумножившаго честь и славу ея; скорбять сослуживцы твои, лишившися въ тебѣ благожелательнаго и услужливаго [сотоварища]; скорбять о тебѣ ученики твои, безпредѣльно любившіе тебя какъ своего незамѣнимаго руководителя и радѣтеля о ихъ нуждахъ; скорбить весь сія и по преимуществу бѣдные и убогіе насельники ея, потерявшиe въ тебѣ своего отца и благодѣтеля.

Скорбь эта, вѣримъ, отзовется болѣзненнымъ стономъ и во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества, гдѣ на разныхъ поприщахъ проходятъ жизненное служеніе свое многочисленные твои ученики, а также и многіе, знающіе тебя.

Но скорби-ли только мѣсто при этомъ гробѣ? И куда влечеть меня скорбь? Я, служитель Церкви Христовой и проповѣдникъ воскресенія Того, Который смертю смерть попралъ и даровалъ намъ животъ вѣчный, подъ вліяніемъ естественнаго, правда, скорбнаго чувства, забылъ на мгновеніе объ утѣшительныхъ истинахъ евангелія и возбуждаю себя, а также призываю и васъ, братіе, къ сътованіямъ, тогда какъ надлежитъ здѣсь причина благодаренія и прославленія Бога. Къ благодаренію Бога и приглашаетъ Св. Церковь всѣхъ сѣтующихъ при каждомъ гробѣ вмѣсть съ послѣднимъ цѣлованіемъ,—къ благодаренію за окончаніе земнаго странствія по бурному морю житейскихъ попеченій, и за начало новой жизни, въ которую вступаетъ усопшій. Правда, есть не малое число гробовъ, надъ которыми трудно выполнить долгъ благодарности предъ Богомъ, заповѣданный Церковью. Но здѣсь, при этомъ гробѣ я смѣло отъ имени Церкви призываю васъ, братіе, къ благодаренію Бога за Его милости, явленныя къ усопшему собрату нашему, за пройденный имъ жизненный путь. Путь этотъ воистину спасительный и служить залогомъ того блаженнааго пути, на который теперь вступила душа усопшаго. Вся жизнь его, протекшая предъ нами, является самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ сказаннаго.

Не вѣра-ли, живая и сердечная, служила для него свѣточескъ на жизненномъ пути? Не добродѣтель-ли была цѣлью его жизни? Не любовь-ли къ Богу и ближнимъ лежитъ въ основаніи всей его дѣятельности, которой онъ всецѣло посвятилъ свой богато-одаренный умъ, многообразныя знанія и прекрасныя качества своего сердца и воли? Кто не знаетъ его многочисленныхъ ученыхъ трудовъ самаго разнообразнаго характера? Кому неизвѣстны труды его по изъясненію Слова Божія? Кто не знаетъ трудовъ его по исторіи Русской Церкви, судьбы которой такъ интересовали его? Сколькихъ святителей—Архипастырей, живыхъ и умершихъ, жизнеописателемъ былъ онъ, явивъ дѣла ихъ міру во славу Божію? Кто былъ лучшимъ описателемъ и истолкователемъ

радостей и горестей нашей академической жизни, лѣтописцемъ которой онъ справедливо назывался?...

Точно такъ же, какъ почившій собрать нашъ сдѣлалъ доброе употребленіе изъ своего ума и знанія, постоянно дѣлалъ онъ доброе употребленіе и изъ прекрасныхъ качествъ сердца и воли. Щедро надѣлила его этими качествами природа, прекрасно развилъ и направилъ ихъ онъ самъ. Доброта, теплота души, готовность быть полезнымъ для своихъ близкихъ, служить имъ: таковы отличительныя качества его сердца. И не зарывалъ онъ въ землю этихъ талантовъ; не замыкался самолюбиво съ своими добрыми качествами въ себѣ самомъ; а всецѣло посвятилъ ихъ на пользу близкихъ,—за что и присвоено было ему наименованіе *добрѣйшаго*. И кто, кто не зналъ *добрѣйшаго* Ивана Николаевича? Всѣмъ онъ извѣстенъ, начиная съ высшихъ слоевъ общества до самыхъ низшихъ, отъ роскошныхъ палатъ до самой убогой хижины бѣдняка. Любвеобильное сердце его раскрывалось для всѣхъ, особенно—обездоленныхъ, неимущихъ и сиротъ. Есть-ли въ нашей веси хоть одно благотворительное учрежденіе, начиная съ нашего Общества вспомоществованія бѣднымъ студентамъ, душею котораго не былъ бы добрѣйшій Иванъ Николаевичъ! Именно душею, потому что *онъ* вносилъ жизнь въ эти учрежденія, а безъ *него* они или прекратили бы свое существованіе, или же съ трудомъ влачили бы его.

Удивляешься, воистину удивляешься, какъ онъ всюду поспѣвалъ, какъ его вездѣ ставало. Образцово исполняя свои прямая профессорскія обязанности, онъ съ полною добросовѣстностю проходилъ и многочисленныя другія обязанности, которыхъ возлагало на него довѣріе начальства и любовь многихъ, иногда и не безкорыстныхъ, почитателей его. День наставалъ для него съ самаго ранняго утра и оканчивался слишкомъ поздно. Да, онъ бодрствовалъ, а другіе могли почивать....

Самою любимою и вожделѣннѣйшею мыслью въ послѣдніе два года жизни усопшаго была мысль о построеніи храма при одномъ изъ убѣжищъ въ нашей веси,—мысль, кото-рая, мы знаемъ, близилась къ осуществленію. Это лучше всего показываетъ, какъ онъ широко понималъ благотвори-тельность. Это же служить самымъ лучшимъ доказатель-ствомъ того, что вся жизнь его была въ Богѣ, для Бога и

для ближнихъ. Этимъ объясняется и всегдашняя его жизнерадостность, такъ и свѣтившаяся въ его добрыхъ глазахъ и сообщавшаяся другимъ. Эта жизнь въ Богѣ и служить основаниемъ того высоко-нравственного настроенія, которое проникало всю жизнь его, выражаясь при этомъ въ глубочайшемъ смиреніи. Довольство своимъ скромнымъ положеніемъ, происшедшее изъ полной преданности Промыслу Божію, опредѣляющему жребіи человѣческіе, было самою видною чертою его отношеній къ самому себѣ, къ своему положенію. Самомнительность, которой часто грѣшать неистинно ученые, мысль о правахъ на лучшее состояніе, на высшее положеніе были неизвѣстны ему, хотя они и могли бы найти для себя поводъ и основанія въ его трудахъ и заслугахъ. Выше Академіи и дороже службы при ней онъ ничего не ставилъ....

Послѣдніе дни его жизни весьма ясно свидѣтельствуютъ о его высокой настроенности и великой преданности волѣ Божіей. Господь судилъ ему нести въ послѣднее время тяжелый крестъ продолжительной тяжкой болѣзни. Но никогда не было слышно отъ него ропота на этотъ крестъ; никогда въ разсказахъ его о своей болѣзни не было ни раздраженія, ни нетерпѣнія. Всегда такая видна была покорность и преданность волѣ Божіей, такое всегда невозмутимое спокойствіе, что, казалось, онъ ведетъ рѣчь о чужихъ недугахъ, и не тяжкихъ недугахъ. А то спокойствіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на приближавшійся часъ смертный, ясно говорить намъ, что умъ его вѣрилъ въ отрадныя истины вѣчной жизни и воскресенія, и въ этой вѣрѣ находилъ оружіе противъ страха смерти. Многократное очищеніе себя отъ грѣховъ исповѣдью и пріобщеніе св. таинъ тѣла и крови Христовыхъ въ послѣдніе дни жизни ясно свидѣтельствуютъ, что усопшій собрать нашъ искалъ себѣ оправданія и очищенія отъ грѣховъ въ крестныхъ заслугахъ Божественнаго Искупителя, усвояемыхъ христіанину въ таинствѣ покаянія, и залога вѣчной блаженной жизни въ плоти и крови Христовыхъ, въ пріискреннемъ общеніи со Христомъ.

Послѣ этого еще разъ вопрошаю: только ли скорби мѣсто у гроба сего? Не всякий-ли и изъ насъ пожелаетъ себѣ такой многоплодной жизни, а главное — такой христіанской

кончины? Поистинѣ угодна Господу душа его, почему и взялся онъ отъ среды лукавствія въ мѣсто вѣчнаго упокое-
нія.

Возлюбленный собратъ! Не вѣнецъ похвалъ намѣревались мы сплести тебѣ настоящимъ словомъ; и не потому, чтобы въ изображеніи качествъ богато-одареннаго ума и любве-
обильнаго сердца твоего мы не нашли для него благоухаю-
щихъ цвѣтовъ, а потому что онъ для тебя излишни. Подвигнула нась къ этому слову личная къ тебѣ лю-
бовь, слившаяся съ любовью ввѣренной мнѣ Академіи—тво-
ихъ сослуживцевъ и учениковъ. Цвѣтокъ общей любви
да увѣнчаетъ твою главу, служа залогомъ нашего непреста-
ющаго общенія, ибо *любы николиже умираетъ*. И изъ пролива-
емыхъ надъ твоимъ гробомъ слезъ, отъ которыхъ мы не мо-
жемъ удержаться по немощи нашего естества, прими отъ
нась только одну слезу для вѣчнаго орошенія неувядаемаго
вѣнка,—слезу общей благодарности отъ горячо любящей
тебя Академіи, отъ нашей веси и отъ всѣхъ твоихъ почи-
тателей и учениковъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли
Русской.

Къ тебѣ теперь слово наше, осиротѣвшее семейство. Ве-
лика твоя скорбь, велико твое горе! Мы теперь касаемся
раны твоей не для того, чтобы еще больше растравить ее,
а—по возможности—уврачевать ее. Но мы показали бы только
невѣдѣніе сердца человѣческаго, если-бы возмнили, что отъ
нашихъ словъ могутъ исцѣлѣвать раны сердца, подобныя
твоимъ; и мы знаемъ, что въ настоящія минуты для тебя
вѣтъ утѣшенія на землѣ; ищите его тамъ, на небѣ, у Врача
душъ и сердецъ, и Онъ, Всеблагій Утѣшитель, подастъ
вамъ его. Утѣшенные Имъ не только не скорбѣли о смерти,
но и сами съ радостю нили на смерть. Итакъ, первѣе и
паче всего обращайтесь въ скорби вашей ко Господу. Какъ
радовались предъ Нимъ, такъ и сѣтуйте предъ Нимъ же.
Вы старались быть вѣрными Ему во дни вашего счастія:
Онъ-ли покажетъ Себя невѣрнымъ во дни вашего несчастія?
Нѣтъ; если Онъ попустилъ прійти на васъ тяжелому иску-
шенню, то не оставитъ за симъ искушеніемъ сотворить и
утѣшеніе.

Да утѣшить Господь тебя, супруга усопшаго въ скорби
твоей. Всѣ мы—свидѣтели твоей самоотверженной любви во

дни болѣзни твоего супруга, для спасенія котораго отъ узъ смерти ты готова была пожертвовать своею жизнью. Но, видно, и любовь человѣческая имѣеть границы. Повинуясь гласу свыше, неудержимо воспарила къ горнему отечеству твой супругъ, оставивъ тебя и дѣтей вашихъ здѣсь. Въ молитвѣ объ усопшемъ и въ добромъ воспитаніи оставленныхъ на твоемъ попеченіи дѣтей твоихъ ищи себѣ доброго, святаго, спасительного утѣшенія.

Да утѣшить Господь и васъ, осиротѣвшія дѣти! Уже съ ранняго утра вашей жизни Господь посѣтилъ васъ испытаниемъ. Но знайте и вѣруйте, что если Господь печется вообще о всѣхъ людяхъ, то о сиротахъ — по преимуществу. Онъ, Всеблагій, теперь заступить мѣсто Отца и Покровителя. Къ Нему теперь обращайтесь съ молитвою и на Него всецѣло возлагайте теперь свое упованіе. Твердо помните и добрые святые уроки, которые давалъ вамъ отецъ и своими внушеніями, и своею жизнью, и постарайтесь сообразовать съ ними жизнь вашу. Это и для васъ будетъ великимъ благомъ, и ему въ загробной жизни доставить радость и утѣшеніе.

Гряди же съ миромъ въ горній градъ живаго Бога, возлюбленный собратъ нашъ. Мы вѣруемъ, что со духи праведными почietъ душа твоя и ты услышишь сладчайшій гласть Господа небеснаго, глаголюща: „рабе благій и вѣрный, о малъ быль еси вѣренъ, надъ многими тя поставило: вниди въ радость Господа твоего“.

С Л О В О

Профессора Н. А. Заозерскаго¹⁾.

*Оставлено есть субботство людемъ
Божиимъ.*

*Вшедый бо въ покой Его и той
почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ
своихъ Богъ. (Евр. IV, 9 и 10).*

Покоится безмятежнымъ сномъ рѣдкій труженикъ, въ послѣдній разъ съ нами субботствуя, чтобы обнощевать и встрѣтить день Воскресенія Христова во всечестномъ храмѣ.

¹⁾ Сказано по принесеніи тѣла умершаго въ академическую церковь.

Пресъклась необычно дѣятельная жизнь; прекратилось многотрудное странствованіе по стезямъ христіанскаго просвѣщенія и благотворенія, и вотъ конецъ ихъ—покой, или, по выраженію Св. Апостола, субботство, оставленное людемъ Божіимъ.

Что значитъ это субботство? Почему суббота, или покой Божій есть желаемый конецъ труда, желаемая цѣль странствованія?

Вникнемъ, братіе, въ это великое, но нѣсколько прикровенное слово Апостола Христова, чтобы уяснить себѣ значеніе и смыслъ переживаемыхъ минутъ блаженнаго субботствованія почившаго о Господѣ брата и сослуживца нашего.

Представляется странною въ учениіи Св. Апостола мысль, что покой или суббота оставлена людемъ Божіимъ только: но развѣ не каждый человѣкъ умираетъ? Развѣ жизнь каждого, какъ бы многотрудна, или вовсе бездѣятельна ни была, не оканчивается безмятежнымъ покоемъ смерти? Не менѣе странною представляется и такъ часто повторяющаяся молитва Св. Церкви: *покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего: зачѣмъ молиться о покоѣ, когда послѣдній уже наступилъ?*

Наступилъ.... Наступилъ ли дѣйствительно?

Поставьте только этотъ вопросъ, припоминая то счастливую, то злополучную жизнь и кончину извѣстныхъ вамъ лицъ, друзей, и вы, можетъ быть, ужаснетесь, вострепещете... И этотъ ужасъ, охватившій васъ при представлениіи неспокойной загробной судьбы вашего друга не побудить ли васъ къ горячей за него молитвѣ о покоѣ, казавшейся дотолѣ излишнею?

Но не ужась и отчаяніе внушаетъ намъ великое слово Апостола о субботствѣ людей Божіихъ, а благоговѣйную, радостную и возвышенную надежду.

Оставлено — говорить онъ съ непоколебимою увѣренностью—оставлено есть субботство людемъ Божіимъ; такъ что *вшедшій въ покой Божій почи отъ дѣлъ своихъ, какъ почилъ Богъ отъ своихъ въ день седьмой, когда, окончивъ твореніе свое, видѣ (Богъ) вся, елика сотвори: и се добра зло (Быт. I, 31.).*

Вотъ о какого рода покоѣ молится Св. Церковь! Вотъ о

какого рода субботство такъ уверенно говорить Св. Апостоль! Это—не покой смерти—прекращенія каждой жизнедѣятельной силы, какъ то видимъ мы при смерти тѣла, это не покой даже глубокаго сна, доходящаго до потемнѣнія сознанія, до прекращенія всякаго созерцанія, но покой Божественный—некончаемая, неизъяснимая радость чистаго созерцанія творческой красоты и славы Божией.

Не всѣ люди—какъ бы они ни были дѣятельны—входили и войдутъ въ покой Божій. Устами пророка Самъ Богъ сказалъ: *кляхся во гнѣвѣ Моемъ, аще внидуть въ покой мой* (Псал. 94, 11.). И пророкъ, воспоминая этотъ приговоръ гнѣва Божія и предупреждая своихъ современниковъ, говоритъ: *и днесъ не ожесточите сердце вашихъ яко въ прогнѣваніи во дни искушенія въ пустынѣ* (ст. 8).

Обѣщанъ былъ покой Божій древнему Израилю, но онъ ожесточилъ сердце свое и услышалъ грозныя слова: *не внидуть въ покой Мой*. Они не внидутъ; но—говорить Апостолъ—*днесъ оставлено субботство людемъ Божіимъ* (Евр. IV, 7—8).

Кто и гдѣ эти люди Божіи?

Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы (Гал. III, 13) и призвалъ и призываетъ къ наслѣдію обѣтованныхъ древнему Израилю благъ Божественного покоя всѣхъ, обращающихся къ Нему сердцемъ, идущихъ во слѣдъ Ему, сообразующихся съ Нимъ въ страданіяхъ и смерти Его: *приидите ко Мне вси труждающіи и обремененніи и Азъ утокою вы* (Ме. XI, 28).

Девятнадцать вѣковъ странствуетъ Церковь Христова въ мірѣ, какъ Израиль въ пустынѣ, или какъ корабль по бурнымъ волнамъ моря, доставляя въ небесную пристань пловцовъ своихъ, внимающихъ гласу Христа.

Былъ ли ты, досточтимѣйший, блаженнопочившій братъ нашъ, пловцемъ этого корабля?

О, какъ отрадна увѣренность всѣхъ знатишихъ тебя въ томъ, что ты былъ имъ!

Изъ 50-ти лѣтъ своей жизни 40 ты прилагалъ свои духовныя силы къ тяжкимъ трудамъ на кораблѣ Христовомъ. Кто изъ сверстниковъ твоихъ по духовной школѣ воспитанія не засвидѣтельствуетъ, что ты изумлялъ ихъ своимъ трудолюбiemъ! Кто изъ нихъ не скажетъ, что въ это время ты, какъ древній столпникъ, дни и ночи простоявалъ и просиживалъ у письменного рабочаго стола, весь обложенный и

погруженный въ источники Богословскаго знанія, и читалъ, и писалъ..... Кто не скажеть, что слово Божіе, разными языками толкуемое, питало умъ твой, было твою родною стихіею?

Затѣмъ началось твое служеніе духовной школѣ въ низшихъ и высшихъ ея званіяхъ. Говорить-ли мнѣ о томъ, что ты съ самоотверженіемъ, съ самопожертвованіемъ отдавался этому служенію? Нѣтъ, я не буду говорить объ этомъ. Ибо, что значить мое слово, когда оставленныя тобою творенія, дѣла твои, такъ громко говорять объ этомъ? Да и при томъ же я не неосновательно опасаюсь предвосхитить о семъ слово достойнѣйшихъ меня?

Говорить ли мнѣ о томъ, что не умомъ только, но и сердцемъ своимъ ты отдавался служенію Христовой заповѣди,—заповѣди глубокой и широкой? Любиль ли ты близкихъ своихъ и ближнихъ своихъ, и кто былъ твоимъ ближнимъ? Коснуясь-ли я своимъ словомъ святыни христіански благоустроенного, семейного, гостепріимнаго очага твоего? Но здѣсь утрата, причиненная твоего смертю, такъ велика, что мое слово будетъ лишь неосторожнымъ прикосновеніемъ къ мукамъ скорби, едва переносимой..... Коснуясь ли я своимъ словомъ твоихъ отношеній къ сослуживцамъ, ученикамъ, къ разнообразной бѣднотѣ нашего города, которой служилъ ты такъ много и безкорыстно, какъ можетъ служить только истинный христіанинъ?

О какъ много хотѣлось бы говорить мнѣ объ этомъ! Но я боюсь, что уже и теперь я превышаю мѣру слова, боюсь далѣе нарушать благоговѣйно—молитвенную тишину множества стоящихъ у твоего гроба, говорящую объ этомъ краснорѣчивѣ моего слова.

Одно лишь долженъ я сказать для приличнаго окончанія своего слова: въ жизни своей ты шелъ тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, тѣмъ именно путемъ, которымъ предписано идти пловцамъ корабля Христова. А что значить идти тѣснымъ и скорбнымъ путемъ? Это значитъ — по объясненію одного великаго отца Церкви и подвижника ¹⁾—изъ всего своего отдавать часть Христу и ради Него терпѣть лишенія и стѣснять тотъ пространный путь личнаго счастія и по-

¹⁾ Св. Іоанна Постника, патріарха Константинопольскаго.

коя, на который всегда манить гордый, безграничный въ своихъ стремленихъ человѣческой эгоизмъ.

На семъ основывается надежда наша, что корабль Церкви Христовой привель тебя теперь къ небесной пристани, какъ вѣрнаго до послѣднихъ минутъ пловца своего; а эта надежда возгрѣваетъ въ насъ пламенную молитву: *покой, Спасе нашъ, съ праведными раба твоего и сего всели во дворы Твоя*“.

РѢЧЬ

профессора С. С. Глаголева ¹⁾.

Въ началѣ жизни школу помню я, и одинъ образъ въ этой школѣ непрестанно выдвигается передо мною напередъ, рисуется мнѣ особенно ярко, одинъ голосъ вспоминается мнѣ, голосъ исполненный теплой ласки, вѣящій нѣжнымъ дыханіемъ любви. Этотъ голосъ замолкъ теперь, черты этого образа черезъ немнога минутъ скроются отъ насъ навѣки, и стукъ гробового молота возвѣстить намъ, что мы никогда не увидимъ ихъ болѣе. Но теперь въ минуты близкія къ послѣднему цѣлованію воспоминанія старого охватываютъ съ особеною силой, какъ будто свѣтлыя воспоминанія прошлаго пытаются ослабить тяжелое горе настоящаго, какъ будто мысль о томъ, что имѣлъ, пытается отодвинуть назадъ мысль о томъ, что потерялъ.

Почти четверть вѣка назадъ почившій, скорбь о которомъ теперь владѣеть нами, былъ назначенъ начальникомъ скромной духовной школы—тульскаго духовнаго училища. Въ эти же дни я поступилъ туда въ качествѣ ученика. Болѣе двухсотъ мальчиковъ было насъ въ школѣ, мальчиковъ въ возрастѣ отъ 9 до 15—16 лѣтъ, въ томъ возрастѣ, когда въ юныхъ сердцахъ развивается вѣра въ жизнь и любовь къ людямъ или, наоборотъ, проростаютъ сѣмена недовѣрія, зарождается холодъ души, который потомъ на всѣ дѣла человѣка кладетъ свой мертвенный отпечатокъ. Въ школѣ воспитывавшей насъ этотъ холодъ не могъ зародиться, онъ могъ идти откуда-нибудь извнѣ, но не отъ школы. Начальникъ близко зналъ насъ всѣхъ, въ каждомъ изъ насъ онъ

¹⁾ Произнесена во время запричастного стиха.

отыскивалъ лучшія струны сердца и спѣшилъ прикасаться къ нимъ, чтобы зародить въ душѣ мальчика теплоту, ко-торою потомъ, ставши мужемъ, онъ могъ бы согрѣвать и другихъ. Въ часы, которые у нась были свободны и кото-рые онъ—вѣчно занятый—отнималъ отъ другихъ дѣлъ, онъ приходилъ къ намъ и вель любовно отеческія бесѣды съ нами. Онъ приносилъ намъ со стороны книжки для чтенія, потому что въ нашей библіотекѣ ихъ собственно не было, онъ приносилъ намъ конфекты—а нась было болѣе двух-сотъ человѣкъ—и говорилъ, что ему кто-то ихъ подарилъ, онъ разсказывалъ намъ о томъ, что дѣлается въ мірѣ, онъ слушалъ нась и наблюдалъ за нами и разбиралъ наши не-доразумѣнія. „Не будьте эгоистами“, говоривъ онъ намъ, и мы спрашивали, что такое эгоистъ, и получали любовный и назидательный урокъ греческаго языка, психологіи и хри-стіанскаго нравоученія. Тогда была русскотурецкая война. Съ картою и указкою онъ знакомилъ нась съ ея ходомъ, онъ разсказывалъ намъ о тѣхъ насилияхъ, которымъ под-вергались болгары—христіане отъ турокъ, о тѣхъ жертвахъ, которыя русскіе люди приносили дѣлу освобожденія сво-ихъ славянскихъ собратьевъ. Скудный свѣтъ освѣщалъ карту и оратора, сумракъ надвигался въ классѣ, но въ на-шихъ маленькихъ учащенно бившихся сердцахъ начинала загораться и свѣтить любовь къ правдѣ, къ добру, любовь къ жертвѣ. Мы представляли себѣ невинныя страданія на-шихъ единовѣрныхъ собратьевъ, и намъ начинало казаться несправедливостью то благополучіе, которымъ мы пользова-лись. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Какъ шерсть яг-ненка на рѣпьяхъ, рвала у многихъ изъ нась жизнь луч-шіе порывы нашихъ думъ. Но—вспомнишь—и на душѣ ста-нетъ свѣтлѣе, отъ нахлынувшихъ воспоминаній смягчается жестокость сердца, начинаешь чувствовать свою виновность передъ другими, хочешь заслужить у нихъ прощеніе. Тя-желую борозду приходится проводить по нивѣ жизни мно-гимъ изъ питомцевъ тульской духовной школы конца семи-десятыхъ годовъ—кто священникомъ въ бѣдномъ сельскомъ приходѣ, а кто и просто сельскимъ учителемъ, но, думается, для всѣхъ этихъ питомцевъ образъ ихъ смотрителя навсегда останется нравственнымъ свѣточесмъ, опорою для вѣры въ добро. Заболѣлъ мальчикъ. Кто стоитъ около его больнич-

ной койки съ просфорою, съ словами ласки, утѣшенія и любви? Смотритель Иванъ Николаевичъ. Забудеть ли это мальчикъ? О нѣтъ, онъ только пойметъ всю цѣну этого гораздо позднѣе. У ученика умеръ отецъ. Заботу о томъ, чтобы по возможности приготовить сироту къ выслушанію ужасной вѣсти, заботу о возможномъ смягченіи его скорби принимаетъ на себя смотритель. Смотритель постоянно былъ около насъ, смотрѣлъ за нами и охранялъ насъ на всѣхъ путяхъ. Онъ съ нами на нашихъ играхъ, потому что насъ нужно было учить играть, онъ—въ нашей умывальни и учить насъ употребленію зубнаго порошка—для большинства дѣлу совершенно новому и незнакомому, онъ съ нами на нашихъ вечернихъ занятіяхъ, и мы просимъ объяснить въ урокѣ то, чего не понимаемъ. Онъ знаетъ всѣхъ, кто получилъ утромъ неудовлетворительные баллы, и эти маленькая жертвы науки особенно дороги ему, онъ и самъ спрашиваетъ и проситъ надзирателей позаботиться, чтобы къ слѣдующему дню они оказались болѣе подготовленными. Утромъ онъ приходитъ на уроки нашихъ преподавателей, онъ прочитываетъ всѣ наши письменныя упражненія по всѣмъ предметамъ. Лѣтомъ въ свободные часы онъ вѣрно насъ въ поле, лѣсь, купальню; при этомъ, гдѣ мы должны были платить, намъ представлялось весыма естественнымъ, что за насъ платилъ смотритель. Самъ онъ преподавалъ катехизисъ и богослуженіе—это теоретическое и практическое богословіе низшей духовной школы; онъ выяснялъ намъ различіе между этими науками и прочими предметами, училъ насъ изученіе ихъ особенно связывать съ молитвой, раскрывалъ намъ въ понятной нашему дѣтскому пониманію формѣ, что не можетъ быть истиннаго знанія религіи безъ религіозности. Съ нами онъ ходилъ на наши молитвы и иногда самъ читалъ ихъ. Всегда онъ присутствовалъ при богослуженіяхъ въ училищномъ храмѣ — скромный, серьезный, благоговѣйный. И можетъ быть его молитвы и вѣренія ему малыхъ много облегчили послѣднимъ путь жизни.

Онъ внушалъ намъ благоговѣніе въ дѣлахъ религіозныхъ, почтительность въ отношеніяхъ къ наставникамъ и воспитателямъ, любознательность по отношенію къ дѣлу изученія, чувства услужливости и взаимопомощи въ товарищескихъ отношеніяхъ, вездѣ и ко всѣмъ—любовь.

Когда я кончилъ курсъ училища, снъ перешелъ на службу въ академію, и шесть лѣтъ спустя я вмѣстѣ съ моими земляками, отыскивая дорогу въ академію, стучался у дверей его дома. Двери гостепріимно открылись. Мы были ободрены, намъ были сдѣланы всѣ нужныя указанія, даны пособія для экзаменовъ. Потомъ, поступивши, мы всегда безъ колебанія шли къ нему въ домъ и не только своими посѣщеніями отнимали у него дорогое время, но оставляли ему для насъ работу и на будущее время: указать книги для сочиненія, нужныя страницы, нужныя цитаты; я пользовался отъ него такими указаніями, будучи уже не студентомъ. Я не смѣю говорить о всѣхъ его трудахъ и работахъ. Многіе здѣсь знаютъ ихъ несравненно лучше меня, потому что работали вмѣстѣ съ нимъ на различныхъ поприщахъ, а я только злоупотреблялъ его добротой и пользовался его работами. Но думаю, что многое изъ того, что онъ дѣлалъ, известно только тѣмъ, для кого онъ дѣлалъ, и Господу Богу. Его ученыя работы, это — наше дорогое наслѣдіе, но онъ работалъ много для ученыхъ работъ другихъ, и его имя подъ печатными трудами далеко не обнимаетъ того, что было имъ сдѣлано для науки. Но было у него иное дѣло, которому онъ служилъ, дѣло болѣе святое и высокое, чѣмъ даже служеніе богословской наукѣ, дѣло, которое когда дѣлается圣, всегда на землѣ имѣть скромный и незамѣтный видъ, но на которое всегда ниспосыпается особенное благословеніе неба: это — дѣло благотворенія, забота о нищихъ, недостаточныхъ. Сколько слезъ онъ отеръ своею маленькою, нѣжною рукою, сколько сирыхъ онъ накормилъ, сколькимъ обездоленнымъ онъ далъ свѣтлые дни, сколькихъ устроилъ. Теперь приближаются дни Рождества. Сколько бѣдныхъ, сколько больныхъ намѣревались протянуть къ нему свои озябшія, закорузлые, изстрадавшіяся руки съ мольбою о помощи. О, эти руки не остались бы безъ подаянія! Кто дастъ имъ его теперь? Но все равно: будутъ ли эти руки оттолкнуты въ другомъ мѣстѣ, или найдутся добродушия — а они найдутся на святой Руси, — которые положатъ въ нихъ свою иосильную ленту, немало крестныхъ знаменій положать они за того, кто теперь безздыханный лежитъ предъ нами. О добрые бѣдные люди! Изъ вашихъ молитвъ спле-

тется ему вънецъ несравненно лучшій, чѣмъ изъ нашего слабаго слова.

Господь не оставлялъ его милостями и на землѣ. Онъ жилъ въ теплой и благодѣтельной атмосферѣ любящей семьи. Жена, три дочери, близкіе окружали его своею любовью, заботами, ласками и попеченіями. Знавшіе его любили и уважали его. Эта любящая атмосфера, согрѣвавшая его душу, можетъ быть поддерживала и его energiю и силы для неусыпныхъ работъ. Нельзя свѣтить, не сгорая, но въ условіяхъ благопріятныхъ свѣча горитъ долѣе, чѣмъ въ неспокойной атмосферѣ. Господь на пользу многихъ далъ ему эти добрыя условія. А онъ принялъ полученное, чтобы давать какъ можно больше другимъ. И онъ давалъ, онъ съяль и расточалъ, а мы пожинали. Теперь успокоенный отъ долгихъ и великихъ трудовъ онъ уснулъ тихимъ сномъ смерти. Христосъ сказалъ: „кто изъ васъ больше, будь какъ меньшій“ (Лк. XXII, 26). Но кто же большій? Не тотъ ли прежде всего, кто больше любить другихъ, чѣмъ другіе? Такой, смиренно и вѣрно неся свой крестъ, любовно поддержить и понесеть крестъ другаго. Такой больше, чѣмъ другіе, несетъ тяготы другихъ и тѣмъ является большими въ исполненіи закона Христа (ср. Гал. VI, 2). Такимъ былъ онъ, кого мы лишились теперь. Мы не можемъ уже болѣе уплатить добромъ за его добро, посильной работой за его трудъ. Но великое утѣшеніе нашей вѣры состоитъ въ знаніи истины, что и теперь наша благодарность, обращенная къ почившему собрату, не будетъ только пустымъ звукомъ, но облеченнная въ форму теплой молитвы объ усопшемъ найти себѣ цѣну въ очахъ Господа. Помолимся о нашемъ многотрудившемся, много любившемъ наставникѣ и товарищѣ, почившемъ рабѣ Іоаннѣ. Аминь!

Рѣчъ
доцента П. В. Тихомирова ¹⁾.

Незабвенный учитель и собратъ!

Оборвалась цѣль твоей жизни... Оконченъ путь, — пора туда, гдѣ нѣть ни будущаго, ни прошлаго; гдѣ нѣть ни

¹⁾ Сказана послѣ „Непорочныхъ тропарей“.

ожиданий, ни страстей, ни горькихъ слезъ, ни славы, ни почестей; гдѣ воспоминанье спить глубокимъ сномъ... И не нужны тебѣ теперь слова нашей хвалы или сожалѣній. Холодная рука смерти дала тебѣ заглянуть туда, куда не заглядывалъ ни одинъ изъ живущихъ,—приподняла для тебя завѣсу вѣчности. Но не разскажешь ты намъ, что ты узрѣлъ на ея порогѣ; и не разгадать намъ этого теперь по выраженію твоего, исполненнаго нѣмымъ величиемъ, лица,—хотя обыкновенно это подвижное и выразительное лицо было живымъ отраженіемъ твоей души и твоихъ мыслей. И наше послѣднее прощанье съ тобой въ этотъ часъ не будетъ взаимнымъ: на наше сердечное „прости“ ты не отвѣтишь намъ, какъ-бы слѣдовало, „до свиданья“... Не будемъ-же и мы тревожить твой покой нескромными гаданьями о пути, въ который ты идешь,—какъ-бы заставляя говорить само твое молчаніе. Каждому изъ насъ придетъ своя пора, — пробеть и нашъ часъ...

Но если здѣсь, у этого гроба, не мѣсто безплоднымъ сѣтованиямъ, ненужнымъ для тебя, нашъ дорогой почившій; если справедливо будетъ удержать и естественную пытливость ума, желающаго проникнуть въ таинственный, безотвѣтный мракъ вѣчности: то нѣть однако здѣсь ничего, что заставляло-бы умолкнуть нашу любовь къ тебѣ. Любовь не признаетъ смерти, не умираетъ вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ,—а всемѣрно стремится сохранить для себя дорогой образъ. И когда, повинуясь этой любви, мы будемъ говорить о тебѣ, ты уже не останешься безотвѣтенъ, потому что мы будемъ обращаться не къ твоему безмолвному настоящему состоянію и не къ тому таинственному грядущему, которое стоитъ теперь предъ тобою, а къ твоему прошлому, въ которомъ ты жилъ, къ дѣламъ твоей жизни, въ которыхъ ты живешь и доселѣ. Позволь-же мнѣ, меньшему изъ собратій твоихъ, вспомянуть хоть немногое нѣчто, запечатлѣвающее твой образъ въ сердцахъ знатавшихъ тебя людей.

Вотъ, слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, я помню себя десятилѣтнимъ мальчикомъ, оторваннымъ отъ родной семьи и отданнымъ въ школу. Въ памяти и рассказахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ духовная школа рисуется суровой школой. Западали эти рассказы отчасти и въ мою юную душу и невольно нагоняли на сердце страхъ и холодъ, хотя, впрочемъ,

мнѣ и старались внушить, что теперь-де далеко не то. Пусть,—думалъ я,—не то, а всетаки куда какъ было-бы лучше не отрываться отъ родного дома, не стремиться на встречу неизвѣстному и потому страшному будущему! Первый-же школьный день заканчивалъ я слезами,—безпричинными слезами, которыми часто плачутъ новички, не смотря на поддразниванья и смѣхъ старшихъ товарищей-второгодниковъ. Случайно натолкнувшійся на меня смотритель (онъ по вечерамъ обыкновенно обходилъ классы) приподнялъ ласково меня за подбородокъ и говорить: „да что-жъ это такое? о чёмъ мы грустимъ?“ И сейчасъ-же взялъ меня и еще нѣсколько новичковъ къ себѣ въ квартиру, угостиль вареньемъ и апельсинами, сыгралъ что-то на рояли и даже спѣль. Мы развеселились и, кажется, спали эту ночь безъ слишкомъ грустныхъ вздоханій о родномъ домѣ. Въ послѣдующіе дни, по другимъ поводамъ и въ другомъ родѣ, смотритель заявилъ намъ себя такимъ ласковымъ, добрымъ и участливымъ, что въ самое короткое время мы его страшно полюбили; и когда навѣщавшіе насъ домашніе спрашивали, не тоскуемъ-ли мы по родинѣ, мы, въ большинствѣ случаевъ, отвѣчали отрицательно. И этимъ мы были обязаны смотрителю. А съ какимъ участіемъ и какъ подробно онъ входилъ въ наши нужды и интересы! Всякий неудовлетворительный баллъ ученика былъ для него поводомъ для самыхъ разностороннихъ мѣропріятій, начиная съ разспросовъ и самоличнаго выслушиванія уроковъ, продолжая ходатайствомъ предъ учителемъ и оканчивая добродушнымъ выговоромъ и даже сердитымъ распеканіемъ, — за которымъ однако-же прекрасно чувствовалась готовность немедленно простить виновнаго... Прорѣха въ одеждѣ или обуви, неряшливость въ содержаніи рукъ, лица не ускользали отъ его вниманія. Выборъ для насъ подходящаго и занимательнаго чтенія, устройство развлечений и т. п.—также были предметомъ его заботливости. И при всемъ томъ—постоянная доступность для всякихъ заявлений и просьбъ. Соображая теперь все это, невольно даже недоумѣваешь, гдѣ только онъ находилъ достаточно времени, изворотливости и самообладанія, чтобы поистинѣ всѣмъ быть вся. Этотъ смотритель прямо былъ нашей доброй и любимой нянью, пѣстуномъ. То былъ Иванъ Николаевичъ.

Когда онъ покидалъ наше Тульское духовное училище для академической службы,—сколько слезъ было пролито всѣми безъ исключенія учениками! А позднѣе, когда намъ пришлось познакомиться съ неизбѣжнымъ школьнымъ формализмомъ, съ фактами нерѣдко грубаго непониманія нашихъ интересовъ и желаній, мы сначала горько жалѣли своего Ивана Николаевича, а потомъ (это все я ужъ, конечно, позднѣе сообразилъ) и сами стали грубѣть и привыкать къ такъ называемой школьнной лямкѣ... Сердечное и глубокое спасибо тебѣ, скрасившему *зарю юныхъ дней* не одной сотни школьнниковъ!

Прошло немало лѣтъ послѣ моего первого знакомства съ Иваномъ Николаевичемъ. Я покидалъ среднюю школу и направлялся въ академію съ жаждой просвѣщенія и нескрываемымъ страхомъ, что двери этого разсадника наукъ захлопнутся предъ недостойнымъ искателемъ. Первый-же, кто еще во время приемныхъ экзаменовъ ободрилъ меня съ земляками, посовѣтовалъ не волноваться, не переутомляться и т. п., былъ опять И. Н. И всякий, кто испыталъ это первоначальное напряженное состояніе за время конкурсныхъ экзаменовъ, пойметъ, какъ дорого здѣсь всякое слово одобренія. Нашъ Тульскій смотритель неизмѣннымъ сохранился и въ академическомъ профессорѣ. Поступивъ въ академію, я еще болѣе убѣдился въ этомъ. Не было такой услуги, въ какой онъ отказалъ-бы студенту. Онъ дѣлалъ, безъ преувеличенія можно сказать, все, о чёмъ его просили,—жертвуя своимъ чрезвычайно занятымъ временемъ, знаніями, книгами, деньгами, самолюбиемъ. И никого такъ не осаждали всевозможными просьбами, какъ его. Его услужливость не ограничивалась сферою академическихъ нуждъ студента. Онъ помогалъ намъ помѣщать въ журналы наши первые литературные опыты, писалъ по нашимъ просьбамъ рекомендательныя письма и ходатайства къ епархиальнымъ архіереямъ, хлопотать о назначеніяхъ на службу и т. д. И это все дѣжалось не только для близкихъ и хорошо знакомыхъ ему людей, а рѣшительно для всякаго, кому не лѣнь было къ нему обратиться. Но не буду задерживаться на своихъ студенческихъ воспоминаніяхъ; — присутствующіе у этого гроба теперешніе его ученики, вѣроятно, достаточно раскроютъ эту сторону въ личности и дѣятельности покойнаго.

Изъ ученика мнѣ пришлось стать сослуживцемъ покойнаго. Тѣ же нравственные черты, только еще яснѣе, полнѣе и разностороннѣе, раскрылись мнѣ въ немъ и теперь. Меня поражало ни съ чѣмъ несравнимое трудолюбіе И. Н-ча, начинавшаго работать, кажется, съ 4 часовъ утра; поражала меня и его необыкновенная ученая и литературная продуктивность. При такой массѣ кабинетнаго труда представлялась положительно невѣроятной какая-нибудь возможность досуговъ для постороннихъ занятій. Однакожъ эти досуги какъ-то находились,—и постороннихъ занятій оказывалось такое огромное множество, что оставалось только безгранично удивляться и недоумѣвать, откуда берется время для всего этого. Но всматриваемся въ характеръ этихъ постороннихъ занятій,—и наше удивленіе иуваженіе къ труду переходитъ въ прямое преклоненіе предъ святостью цѣлей и чистотою мотивовъ тружениника. Братство для вспомоществованія надостаточнымъ студентамъ, братство для помощи бѣднымъ Сергиева Посада, красный крестъ, общество спасенія на водахъ, Филаретовскій пріютъ и т. д. и т. д.,—вотъ учрежденія, въ которыхъ трудился,—мало сказать, что трудился, почти всю работу выносилъ на своихъ плечахъ И. Н. Все это предпріятія чисто благотворительныя, филантропическая, конечно, не доставлявшія покойному ни копейки материальной выгоды. Сколько поистинѣ самоотверженной любви! А любовь производить любовь.

Другою чрезвычайно замѣтной нравственной чертой покойнаго была его необыкновенная скромность. Солидный ученый, превосходно знавшій богатыя книжныя сокровища академической библіотеки и охотно дѣлившійся своими знаніями со всяkimъ нуждающимся; — авторъ многихъ крупныхъ и весьма цѣнныхъ научныхъ работъ;—спеціально и по первоисточникамъ начитанный во многихъ богословскихъ, и историческихъ вопросахъ: онъ, даже въ сношеніяхъ съ людьми мало свѣдущими, не позволялъ себѣ не только кичливой фразы, но и кичливой мины. О своей учености онъ говорилъ всегда съ такимъ уменіемъ, что иной недальновидный человѣкъ способенъ былъ и унижить его въ сердцѣ своемъ. Припоминаются здѣсь также его возраженія на диспутахъ,—всегда солидно обоснованныя и почти всегда неопровергимыя; съ какою однако деликатностью онъ ихъ.

ставилъ! какъ старался извинить диспутанта и спѣшилъ признать извѣстную долю цѣнности за каждымъ его, даже совсѣмъ нерезоннымъ оправданіемъ! А упомянутые уже его филантропическіе труды,—позволяль-ли онъ себѣ хоть каплю ими гордиться?—Совсѣмъ напротивъ: онъ всегда говорилъ о нихъ, какъ о пустячкахъ, наполнявшихъ междучасія его труда; а о многихъ и совсѣмъ не говорилъ, такъ что мы, думается, знаемъ далеко еще не все. Наконецъ, вообще въ обыденныхъ житейскихъ сношеніяхъ скромность и предупредительность его не знали границъ. Этотъ человѣкъ, если и зналъ себѣ цѣну, то никогда не позволялъ себѣ выставлять ее на видъ и даже съ самоуслажденіемъ думать о ней. Тѣмъ необходимѣе подумать о ней намъ,—всѣмъ знаяшимъ покойнаго.

Для меня даже немногія приведенные черты нравственной личности покойнаго И. Н-ча складываются въ такой симпатичный образъ, который нельзя забыть, а вспоминая, нельзя не любить. Пусть другое припомнить себѣ многое другое, чего я не могъ коснуться въ своемъ краткомъ словѣ. Эти воспоминанія ясно покажутъ намъ, какой бессмертный нравственный итогъ дала сравнительно краткая жизнь И. Н-ча. Онъ скромно, безъ шума и часто незамѣтно съялъ разумное, доброе, вѣчное на нивѣ русскаго воспитанія, русской науки и русской жизни. Скажемъ же ему спасибо сердечное отъ лица родной земли, для которой онъ жилъ и трудился.

Рѣчь студента IV курса Александра Левитскаго¹⁾.

Дорогой наставникъ! Еще нѣсколько минутъ—и ты, лежащий предъ нами во гробѣ, навсегда оставишь свой домъ. Въ этотъ торжественный для твоей души и печальный для всѣхъ нась моментъ я не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ о тебѣ. Я къ тебѣ стоялъ ближе многихъ изъ моихъ товарищѣй и, быть можетъ, добрыя твои стороны зналъ лучше ихъ.

¹⁾ Произнесена предъ выносомъ тѣла почившаго изъ квартиры его въ академической храмъ.

Конечно, не мнѣ характеризовать личность усопшаго: на это у меня не хватить ни силъ, ни умѣнья. Но я лишь вкратцѣ скажу о томъ, какимъ онъ былъ человѣкомъ и почему его смерть такъ сильно огорчаетъ насъ.

Вспомнимъ, что онъ былъ неутомимымъ общественнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ съ добрымъ и любящимъ сердцемъ. Онъ всю жизнь провелъ въ самомъ упорномъ и разнообразномъ труде, не зная ни отдыха, ни бездѣлъя. Его нельзя было видѣть безъ дѣла или, лучше сказать, его нигдѣ нельзя было видѣть, гдѣ не находилось бы для него дѣла. Смотря на него, многіе удивлялись, какъ такой слабый организмъ выносилъ столь много труда и заботъ. Онъ былъ постоянно за работою, кончая одно, онъ начиналъ другое, отрываясь отъ ученой работы, брался за проверку корректурныхъ листовъ или какихъ-нибудь рукописей. И столь кипучая дѣятельность не ограничивалась его кабинетомъ и академіей, но простиралась далеко за предѣлы ихъ. Какъ человѣка дѣятельного, доброго и отзывчиваго къ людскимъ страданіямъ, многія общества избрали его своимъ членомъ, нѣкоторыя и предсѣдателемъ. Большею частію онъ трудился на пользу бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и дѣтей, и поэтому былъ постоянно окружено ими. И онъ помогалъ имъ и, глядя на ихъ страданія, самъ съ ними страдалъ, чувствуя себя не въ силахъ сдѣлать ихъ вполнѣ счастливыми. Нася на себѣ ихъ тяжолое бремя, онъ самъ былъ страдальцемъ. Но это бремя для него было пріятно и легко, ибо къ томъ состояла его жизнь, его радость, его утѣшеніе. Таковъ онъ былъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля.

Но еще выше его образъ, какъ частнаго человѣка. Здѣсь, въ этомъ домѣ, въ кругу своей семьи онъ дѣлалъ все, что подсказывало ему его доброе сердце. Это знали его друзья и знакомые и часто стучались въ дверь его гостепрійнаго дома. Къ нему ходили положительно всѣ и старые и молодые, и бѣдные и богатые,—всѣхъ онъ принималъ съ радостью и всѣмъ служилъ, поскольку могъ. Приходящій къ нему въ горѣ и печали находилъ у него утѣшеніе, болѣй—духовное облегченіе, неимущій получалъ материальную помощь. Никто отъ него не уходилъ неудовлетвореннымъ. Мнѣ самому приходилось обращаться къ нему съ нѣкоторыми невзгодами, и онъ всегда такъ или иначе облегчалъ

ихъ. Не такъ давно я ходилъ къ нему за разъясненіемъ относительно моей курсовой работы, и онъ, уже пригвожденный къ одру, не отказался помочь мнѣ. Да что мнѣ говорить о любви усопшаго къ ближнему? Объ этомъ знаетъ всякий изъ присутствующихъ теперь здѣсь и внутренно благодарить его за это....

Прости же нашъ дорогой наставникъ, нашъ неоцѣненный благодѣтель! Память о тебѣ будетъ жить долго среди насть и не умретъ вмѣстѣ съ нами. Завтра твой прахъ предадутъ землѣ. Но твой духъ остается съ нами. Ты и сейчасъ здѣсь; слышать наши молитвы, возносимыя о тебѣ къ Богу, видишь наши печальные лица. Прими въ сей моментъ отъ насть благодарность, нашу любовь, нашу печаль, наши вздохи и слезы! Да простить Тебѣ Господь согрѣшенія твои и да всеслить Онъ тебя въ селеніи праведныхъ. Миръ тебѣ, страдалецъ, миръ тебѣ, другъ человѣчества!

Рѣчь студента III курса Николая Моисеева ¹⁾.

Дорогой Наставникъ!

Вотъ уже другой день, какъ ты безмолвно присутствуешь въ этомъ св. храмѣ благодати..., а по сосѣдству, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, находится другой храмъ, храмъ науки!—И мы немало удивлены, какъ ты, при всей твоей преданности наукѣ, не заглянешь въ знакомыя стѣны: вѣдь ужъ не мало времени ты не былъ въ нихъ!.. Уже-ли ты стала холodenъ къ любимой наукѣ послѣ того, какъ она почтила тебя высокимъ титломъ своего „доктора“?

Ты молчишь....— Но слово Бога отвѣчаетъ: *блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. XIV, 13)!

Ты молчишь.... Но Сама Церковь намъ говоритъ: *блаженъ путь въ оньже идеши днесъ, душа, яко уготовася тебѣ място упокоенія!*

Какъ, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ получить отъ трудовъ?—Когда ты могъ быть особенно полезнымъ и наукѣ и обществу, когда признанная за тобой слава долж-

¹⁾ Произнесена во время каѳизмъ.

на была побуждать тебя къ большимъ трудамъ и большему дѣланію, ты вдругъ рѣшился искать себѣ мѣста упокоенія? *Восплачите о мнѣ, какъ-бы говоришь ты намъ изъ гроба, братие и друзья, сродницы и знаеміи: вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами, но внезапу найде на мя страшный часъ смертный!*

Такъ вотъ гдѣ причина безмолвнаго здѣсь пребыванія твоего! Ты прислушиваешься къ тону и звукамъ божественныхъ пѣсней, прославляющихъ Распятаго за насъ и Воскресшаго, ты прощаешься съ своею Матерью, которая тебя родила духовно, просвѣтила свѣтомъ Христа Своего, питала духовно въ теченіи всей твоей земной жизни...., и вотъ теперь ты въ послѣдній разъ своего земнаго пребыванія здѣсь, какъ покорный и нѣжно любящій сынъ, выслушиваешь ея трогательныя материнскія напутствованія!...

Значить, вотъ зачѣмъ находимся съ тобой здѣсь и мы. Рано, дорогой Наставникъ, очень рано собрался ты отъ насъ! Не думали мы такъ скоро провожать тебя. И можно ли было, на самомъ дѣлѣ, предположить, что такъ скоро, такъ рано порвется жизнь, столь нужная и для науки и для общества. Можно ли было предполагать все это, когда еще такъ недавно мы видѣли твою радость, очень понятную при полученіи награды, вѣнчающей твой дорогой и многодневный трудъ. Могли ли думать мы, собиравшіеся подъ твой гостепріимный кровъ раздѣлить съ тобою эту радость,— могли ли думать, что едва минетъ годъ, и мы снова соберемся вокругъ тебя, но не радоваться съ тобой, а созерцать только тебя въ гробу,—не съ пожеланіемъ тебѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ жизни, а чтобы дать тебѣ послѣднее христіанскоѣ цѣлованіе и затѣмъ разлучиться до возможной встрѣчи уже въ обителяхъ Небеснаго Отца!...

Прими же, нашъ добрый Наставникъ, нашу горячую благодарность за то добро, какимъ постоянно и щедро были проникнуты твои отношенія ко всѣмъ. Прими нашу благодарность за то тепло, съ какимъ всегда встрѣчалъ ты обращавшихся къ тебѣ. Всякій знаетъ, какъ иногда бываетъ дорого и важно, хотя бы одно, только одно теплое слово участія!... Тѣ лучи добра и ласки, какими постоянно свѣтило твое сердце, навсегда отпечатались въ нашихъ душахъ!...

Прими нашу благодарность, великий труженикъ, и за

твое честное и самоотверженное отношение къ наукѣ, которой ты отдавалъ всѣ свои силы. Не тебя ли раннее утро заставало уже за обычной работой и только поздній вечеръ укладывалъ въ постель? Прими, дорогой и добрый наставникъ и другъ, этотъ послѣдній долгъ тебѣ! Чрезъ нѣсколько минутъ мы совсѣмъ тебя проводимъ въ дальній путь, но у насъ, въ нашихъ, сердцахъ, прочно сохранится твой чудный образъ—образъ честнаго дѣлателя и сердечнаго человѣка!

Рѣчь студента IV курса Георгія Любомудрова¹⁾.

Дорогой наставникъ, принесшій на алтарь науки всѣ свой силы, все свое здоровье, всего самого себя! Мы знаемъ, что этотъ даръ не малъ, что онъ горѣль не слабымъ пламенемъ свѣчи въ темной кельи, но яркимъ свѣтомъ путеводной звѣзды, показывавшей истинный путь многимъ питомцамъ науки. Наука безкорыстна, но отъ тебя потребовала великой жертвы!

Дорогой наставникъ! мнѣ думается, что ты и жизнь цѣнилъ не меньше науки, что твоя дѣятельность здѣсь еще дороже и цѣннѣе для насъ. Жизнь представляеть изъ себя цѣпь людскихъ отношеній, но какъ часто звенья этой цѣпи распадаются! Люди рѣдко видятъ другъ въ другѣ друзей и обѣ уступкахъ другъ другу мало думаютъ. Часто и очень часто нуженъ для людей человѣкъ, который бы такъ или иначе устроялъ ихъ отношенія, примирялъ и соединялъ ихъ руки.

И ты былъ такимъ человѣкомъ! Въ трудныя минуты жизни, когда требовалось посредничество, студенты обращались къ твоему покровительству и всегда находили отеческую помощь и заступничество. Да! ты обладалъ всѣми качествами духа, чтобы быть примиряющимъ дѣятелемъ между людьми различныхъ характеровъ. Твоя гуманность и вѣжливость въ обращеніи съ другими не знала предѣловъ; твоя услужливость проявлялась во всякое время и ты не рѣшался сказать даже подчиненному: „придите завтра“. Твое трудолю-

¹⁾ Произнесена во время каѳизма.

біе извѣстно было многимъ, и очень многіе имъ злоупотребляли. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ тебѣ приносили увѣсистыя рукописи для просмотра и поправки. Ахъ, говорилъ ты мнѣ, это только на словахъ просмотръ, а, по правдѣ сказать, очень часто приходится не поправлять эти рукописи, а переписывать заново. И не смотря на это, ты, даже будучи боленъ, бралъ и передѣлывалъ ихъ. Какое самоотверженіе! какое пламенное желаніе помочь другому даже съ ущербомъ для себя! Приходилось тебѣ за кропотливымъ трудомъ проводить почти безсонные ночи и днемъ не знать отдыха. Случалось тебѣ принимать просителя за просителемъ и всѣхъ удовлетворять; случалось въ одинъ и тотъ же день совмѣщать свои занятія въ различныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ ты состоялъ благотворителемъ, попечителемъ и учителемъ.

Твоя щедрость извѣстна не только въ посадѣ, но и въ другихъ городахъ. И сколько слезъ, горючихъ слезъ ты отеръ бѣднымъ страдальцамъ всѣхъ званій! Сколько горестей утолилъ, сколько нуждъ уничтожилъ и у своей меньшей братіи—студентовъ,—это одному Богу извѣстно. Жизнь твоя трудовая, жизнь твоя благотворительная не прекращалась. Да конца ея ты сохранилъ святую вѣру въ идеаль, и юношескій пыль не оставлялъ тебя даже при послѣднемъ отблескѣ жизни.

Жизненная борьба закалила твой духъ; ты окрылилъ его. И мы вѣримъ, что онъ теперь, какъ мощный орелъ, улетитъ въ лучезарныя сelenья Божихъ сыновъ и тамъ, предъ престоломъ Господнимъ, насладится небеснымъ весельемъ. Духъ улетить, а тѣло твое погребутъ,....Погребутъ его сыны науки, какъ драгоценные останки любимаго ими человѣка. Засыплютъ его хладной землей и изъ чистыхъ сердца слезъ они сплетутъ ему вѣнокъ.

Наставникъ! Предъ тобою молодое поколѣніе! Унесемъ мы въ жизнь дорогую память о тебѣ; твой образъ, какъ искра, будетъ теплиться въ сердцахъ нашихъ, ибо каждый увѣренъ, что на свѣтѣ все лучшее созидаются такими людьми, какъ ты.

Рѣчь студента IV курса Алексія Малинина¹⁾.

„Земля еси и въ землю отъидеши“,—вотъ неизбѣжный законъ земнаго существованія всего человѣчества и естественный конецъ жизни каждого изъ нась. И ты, дорогой учитель, сталъ жертвой этого неумолимаго опредѣленія Божіей Правды! Мы видимъ твою бренную храмину, но тебя уже нѣть съ нами; здѣсь только перстъ твоя, которая могильнымъ тлѣніемъ скоро будетъ превращена въ прахъ.

Зачѣмъ-же, братіе, это благолѣпіе церковное, эти торжественные Богослужебные гимны, эти лавры, вѣнчающіе чело умершаго? Зачѣмъ это прославленіе почившаго, котораго онъ избѣгалъ при жизни и котораго теперь онъ уже не слышитъ? Все это необходимо для нась. Молчаливый гробъ сей поучаетъ насть краснорѣчивѣе всякаго проповѣднаго слова. Посмотрите на изможденныя предсмертными страданіями черты лица почившаго. Развѣ мало онъ говорятьъ совѣсти каждого изъ нась? Какъ поучительны эти останки усопшаго, жизнь котораго была непрерывнымъ подвигомъ и постоянной жертвой своему служенію!

Трудъ упорный и непрерывный, безъ всякихъ послабленій и уступокъ естественнымъ немощамъ, безъ всякихъ корыстныхъ надеждъ и цѣлей, трудъ для самого труда,—вотъ заповѣдь, которой жилъ покойный и соблюденіе которой онъ завѣщалъ намъ. Кто хорошо зналъ частную жизнь покойнаго, тому известно, какъ не любилъ онъ праздности. Безъ преувеличенія можно сказать, что ни одинъ часъ, ни одна минута жизни его не принадлежали ему; вся его жизнь была посвящена дѣлу. Трудъ былъ его стихіей; „жить“ для него значило „трудиться“.

Къ несчастью отъ природы болѣзненное тѣло его не могло вмѣстить его всегда дѣятельного могучаго духа. Сгорая въ священномъ пламени любви къ людямъ, онъ, какъ свѣча, таялъ на нашихъ глазахъ. Онъ сознавалъ, что его дни уже сочтены, онъ чувствовалъ на себѣ дыханіе смерти, онъ видѣлъ разверзающуюся предъ собой могилу и однако онъ не щадилъ себя; онъ спѣшилъ завершить неоконченное, онъ предпринималъ новыя начинанія, и за усиленными за-

¹⁾ Произнесена послѣ 3-й пѣсни канона.

нятіями застала его смерть. И зсякъ священный елей и погасъ свѣтильникъ!

Блаженна твоя кончина, подвижникъ и мученикъ науки! Непродолжительна, но плодотворна была твоя жизнь. Ты мало жилъ, но ты „много возлюбилъ“. Всю свою жизнь ты посвятилъ общему благу, и исторія не забудеть этой великой жертвы. Мы преклоняемся предъ геніями, на цѣльныя столѣтія опередившими свое время; мы благоговѣемъ предъ великими вождями человѣчества, за которыми шли народы; мы удивляемся славнымъ общественнымъ дѣятелямъ, которые своею единичною силой направляли исторической потокъ по новымъ русламъ; но мы никого не знаемъ выше того, кто „душу свою положить за други своя“.

Не плачьте и не рыдайте надъ нимъ! Смерть для него не есть уничтоженіе; она не вносить ничего новаго въ его жизнь. И въ теченіе своего земнаго существованія онъ не жилъ для себя, но для другихъ и въ другихъ, и послѣ смерти онъ всегда будетъ жить въ сердцахъ облагодѣтельствованныхъ имъ людей.

РѢЧЬ

студента I курса іеродіакона Діонисія Маранкудакиса.¹⁾

„Хαίρειν μετὰ χαιρόντων καὶ κλαίειν μετὰ κλαιόντων“ (Ром. 12, 15).

Toὺς θείους τούτους Λόγους, Θεοφιλέστατε Λέσποτα, καὶ λοιπὴ πένθιμος διάῆγυρις, τοὺς θείους τούτους Λόγους ἔγραφεν ἀλλοτε δούραγοβάμιον ἀπόστολος Παῦλος τοῖς Ῥωμαίοις προτρέπων αὐτοὺς πρὸς τοῖς ἄλλοις τὰ συμμερίζωνται τὴν χαράν τῶν χαιρόντων καὶ τὴν λέπην τῶν κλαιόντων. Τοῖς Λόγοις τούτοις ὡς ἐντολῇ ἐπόμενοι καὶ ἡμεῖς οἱ ἐκ διαφόρων ἑλληνικῶν χωρῶν εὐάριθμοι νέοι ἐν τῇ περιφήμῳ ταύτῃ Ἀκαδημίᾳ τῆς Μόσχας μαθητεύοντες, συμπενθοῦμεν ὑμῖν, κλαιομενοὶ κατ’ ἄνθρωπον μεθ’ ὑμῶν καὶ δάκρυα λύπης ἀγαπηγόμενοι μετὰ τῶν δακρύων ὑμῶν ἐπὶ τῷ προώρῳ καὶ ἀλγεινῷ θαράτῳ τοῦ πολυκλαύστου διδασκάλου ἡμῶν Ἰωάννου. Εθεωρήσαμεν δὲ καθῆκον ἡμῶν ἱερώτατον, τὴν λέπην ἡμῶν ταύ-

¹⁾ Произнесена послѣ 6-й пѣсни канона.

την νὰ ἐκφράσωμεν καὶ διὰ συντόμου λόγου καὶ μάλιστα ἐν τῇ Ἑλληνικῇ γλώσσῃ, ἐν τῇ γλώσσῃ δῆλος. ἐκείνη, ἢν τόσον ἡγάπα, ἐδίδασκε καὶ ὑπὲρ ἡς πολὺ ἐν τῷ βίῳ αὐτοῦ ἐμόχθησεν ὁ ἀγαπητός διδάσκαλος ἡμῶν. Τὴν ἐκπλήρωσιν δὲ τοῦ κοινοῦ τούτου καθήκοντος, ὅμοφόρως ἀνατεθεῖσάν μοι ὑπὸ τῶν φίλων πατριωτῶν καὶ συμφοιτητῶν μου, ἀναλαβόν, ὅμολογῶς, δτὶ δὲν δύναμαι νὰ δικαιώσω τὰς ἀπαιτήσεις αὐτῶν. Οὐχ ἥπτον πεποιθώς εἰς τὴν θείαν ἀντίληψιν, μὴ δυνάμενος δὲ καὶ νὰ ἀποδρίψω τὴν εὐγενῆ αἴτησιν αὐτῶν, προβαίνω εἰς τὸ ἔργον πλέκων συγχρόνως τὸν πρέποντα τῷ διδάσκαλῷ ἡμῶν στέφανον.

Ἄλλὰ πόθεν νὰ ἀρχίσω; Ποίαν ἐκ τῶν πολλῶν ἀρετῶν αὐτοῦ νὰ ἐγκωμιάσω πρῶτον καὶ ποίαν δεύτερον; Ποῦ νὰ εὑρω τὰ ἀμάραντα ἄνθη καὶ τοὺς πολυτίμους ἀδάμαντας δι' ὧν θὰ κοσμήσω τὸν στέφανον τοῦτον; "Ομως, τί λέγω; Ἀράγε πρέπει νὰ ἀπορῶ καὶ νὰ λυπῶμαι ἐπὶ τῇ ἐλλείψει τοιούτων; "Ω! οὐδόλως, διότι μεγίστην ἀφθονίαν τοιούτων ἔχω. Καὶ δὴ ἀφ' ἐνὸς τὴν εὐσέβειαν, ἀφ' ἑτέρου τὴν ἀγάπην, τὴν φιλοπόνιαν, τὴν αὐταπαρησίαν, τὴν δλόψυχον ἀφοσίωσιν εἰς τὸ ἀνατεθὲν αὐτῷ καθῆκον. Πρὸς δὲ τὴν τῆς ψυχῆς ἀγαθότητα, τὴν ταπεινοφροσύνην, τὴν τιμότητα, τὴν χρηστότητα, τὴν πρὸς τοὺς πάσχοντας συμπάθειαν, τὴν ἐλεημοσύνην, τὸ μειλίχιον, τὸ προσηρές, τὸ χάριεν καὶ τὸ πρᾶον. Ἐκάστης τῶν ἀρετῶν τούτων τρανὰ μαρτύρια πρόκεινται ἡμῖν αὐτὰ τὰ πράγματα, ἃτινα μεγαλοφόρως μαρτυροῦσι μονονονυχὶ φωνὴν ἀφιέντα. Ἰδίοις δῆμασιν ἐθλέπομεν αὐτὸν πάντες οἱ περικυκλοῦντες τὴν σορὸν αὐτοῦ, φοιτῶντα τακτικῶς εἰς τὸν προσφιλῆ αὐτῷ οἶκον τοῦτον τοῦ Θεοῦ καὶ μετὰ κατανύξεως καὶ συντετριμμένης καρδίας προσευχόμενον. Ἐπραττε δὲ τοῦτο πεποιθώς, δτὶ „ἡ εὐσέβεια πρὸς πάντα ὀφέλιμός ἐστιν, ἐπαγγελίαν ἔχουσα ζωῆς τῆς νῦν καὶ τῆς μελλούσης“ (1 Τιμ. 4, 8) καὶ δτὶ ἡ διὰ τῆς ἀναιμάκτου θυσίας τοῦ σώματος καὶ αἵματος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐφ' ἡμᾶς τοὺς πιστοὺς κατερχομένη θεία χάρις ἀγιάζει ἡμᾶς καὶ συνεργεῖ ἡμῖν εἰς πᾶν ἔργον ἀγαθόν. Μεγάλην στέρησιν, μεγάλην διστυχίαν ἐθεώρει τὴν δι' ἀπόλυτον ἀνάγκην μὴ συμμετοχὴν αὐτοῦ εἰς τὴν κοινὴν ἐν τῷ ναῷ τοῦ Θεοῦ προσευχὴν κατὰ τὴν θείαν Λειτουργίαν καὶ πᾶσαν ἀλλην ἴερὰν τελετήν.

Ἡγάπα τοὺς πάντας καὶ ὑπὸ πάντων ἡγαπᾶτο. Πάντας προσηγόρευε μετὰ τοῦ μειδιάματος ἐπὶ τῶν χειλέων. Τοῖς πᾶσιν προσεφέρετο μεθ' ἵλαρότητος καὶ γλυκύτητος. Τοῖτο πάντες καθηγηταὶ καὶ φοιτηταὶ, ἀρχαῖοι καὶ νεώτεροι, ἰδαγενεῖς καὶ ξένοι, δύνανται νὰ μαρτυρήσωσι, διότι πάντες ἐγνώρισαν αὐτὸν καὶ πλεῖστοι ἐκ τοῦ

σύνεγγος μετ' αὐτοῦ ἐσχετίσθησαν.—Τι δὲ νὰ εἴπω περὶ τῆς φιλοπονίας; Αὕτη, ἃν καὶ δὲν ὑπερβαίνῃ τούλάχιστον, συμβαδίζει ταῖς προλαβούσαις. Καὶ ταύτης μάρτυρας ἔχομεν τὰ σοφὰ συγγράμματα καὶ τὰς πολυχρίθμους περὶ διαφόρων ἐπιστημονικῶν ζητημάτων πραγματείας, τὰ προϊόντα τῆς διανοίας καὶ τῶν ἀτρύτων μόχθων καὶ κόπων, τὰ πνευματικὰ ἔχοντα τοῦ σεβαστοῦ διδασκάλου ἡμῶν. Υπὲ ἀκράτου φιλοπονίας καὶ ἀγάπης πρὸς τὰ ἀθάνατα ἔογα τῶν ἐνδόξων προγόνων ἡμῶν κινούμενος, ἐκ νεαρᾶς ἡλικίας ἐνετρόφα ἐν αὐτοῖς καὶ καθ' ἐκάστην ὡς μετ' ἀχωρίστων συντρόφων μετ' αὐτῶν συνδιελέγετο. Τὸν κύκλον, οὗτος εἰπεῖν, τῶν πνευματικῶν συνδαιτυμόνων αὐτοῦ ἀπετέλουν ἀπαντεῖς οἱ Ἐλληνες συγγραφεῖς πεζοὶ τε καὶ ποιηταὶ τῆς τε θύραθεν καὶ τῆς ἔσω παιδείας: Πλάτων, Ἀριστοτέλης, Θουκυδίδης, Δημοσθένης, Ἰσοκράτης, Ὄμηρος, Σοφοκλῆς, Αἰσχύλος, Εὐριπίδης, Βασίλειος, Γρηγόριος καὶ Χρυσόστομος καὶ πάντες οἱ δευτερέωντες ἐξ αὐτῶν. Ἐγκύπτων εἰς αὐτοὺς υγιτὸς καὶ ἡμέρας ἥντλει ἐκ τοῦ ἀνεξαντλήτου θησαυροῦ τῶν πλουσίων γαμάτων αὐτῶν δι' ὧν κατήρδενε τὴν ἴδιαν ψυχὴν καὶ τῶν φιλομαθῶν νεαρῶν σπουδαστῶν, ὧν χειραγωγὸς καὶ μύστης εἰς τὰ ἄδυτα τῶν Ἐλλήνων συγγραφέων λίαν ἐπιτυχῶς εἶχε ταχθῆ. Τόσον δὲ εἶχεν ἐξοικειωθῆ πρὸς αὐτούς, τόσον εἰσέδυεν εἰς τὸ βάθος τῶν νοημάτων αὐτῶν, ὥστε διήγειρε τὸν θαυμασμὸν καὶ τὸν δίκαιον ἐπαινοῦ παντὸς ἀκούσαντος τὴν μειλίχιον αὐτοῦ φωνήν, τὴν μεταδιδοῦσαν τὰ βαθέα ἐκεῖνα νοήματα καὶ ἔναυλον εἰσέτι ἀντηχοῦσαν εἰς τὰς ἀκοὰς ἡμῶν. Όσον δὲ ἀφορᾷ εἰς τοῦτο συνηγόρους ἔχω πάντας τοὺς ὅπ' αὐτοῦ διδαχθέντας, ὧν τινες περιβεβλημένοι ἥδη τὸν καθηγητικὸν τρίβωνα διδάσκουσιν ἡμᾶς καὶ ἀφθόνως ποτίζουσιν τὰ τῆς θεολογίας καὶ φιλοσοφίας νάματα.—Τί δὲ νὰ εἴπω περὶ τῆς αἵτοθνοσίας, τῆς αὐταπαρησίας, τῆς εἰς τὸ καθῆκον δλοψύχου ἀφοσιώσεως; Αὕτη τῇ ἀληθείᾳ ἡτο παραδειγματική. Ἡ ἴδεα τοῦ καθήκοντος καὶ ἡ ἐκπλήρωσις αὐτοῦ τόσον καλῶς εἶχε κατανοηθῆ ὅπ' αὐτοῦ, τόσον βαθέως εἶχε διξωθῆ ἐν τῇ ψυχῇ αὐτοῦ, ὥστε ἀπετέλει τὸ λατρευτὸν ἴδαικόνιον, τὸν πολικὸν ἀστέρα πρὸς δὲν ἔτεινε πᾶσα ἡ καρποφόρος δρᾶσις του. Εἶχεν ἐμπλακῆ κατὰ τὸν θεῖον Παῦλον „ταῖς τοῦ βίου πραγματείας“ (Β' Τιμ. 2, 4), ἵλλ' ὅμως ἀδύνατον νὰ εἴπωμεν, ὅτι δλοτελῶς ἀπερδοφάτο ὅπ' αὐτῶν. Ἡτο πατήρ, καὶ καλὸς πατήρ οἰκογενείας, ἀλλ' ἐξ ἵσου ἦ καὶ περισσότερον ἡτο καὶ θεράπων τῶν μουσῶν, εἰλικρινῆς μύστης τῆς ἐπιστήμης καὶ πιστὸς ἐργάτης τῶν γραμμάτων. Διὶ αὐτὰ οὐδενὸς καὶ αὐτῆς ἀκόμη τῆς ζωῆς του δὲν ἐφείδετο. Οὐδὲν ἥδύνατο νὰ τὸν ἀπομακρύνῃ ἀπ' αὐτῶν. „Ὕγωριζετο τὸν καλὸν ἀγῶνα“ (Β' Τιμ.

4, 7) καὶ ἡγωνίζετο ψυχὴ τε καὶ σώματι ἀξίως τῆς κλήσεως αὐτοῦ. Ηγωνίσθη θαρραλέως καὶ ἐπραξε περισσότερα ἢ ὅσα ἐπέτρεπεν ὁ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ δαθεὶς αὐτῷ βραχυχρόνιος βίος. Ὁ ἀγὼν θὰ ἐξηκολούθει καὶ ὁ γενναῖος ἀγωνιστὴς ἣτο ἔτοιμος, πρόθυμος εἰς πάντα. Ἀλλὰ κατὰ τὴν ἀνεξιχνίαστον βουλὴν τοῦ Ὑψίστου „τοῦ ζῶντων καὶ νεκρῶν κυριεύοντος“ ὁ ἀγὼν ἐπαυσε καὶ ὁ ἀγωνιστὴς ἐκλίθη ὑπὲρ Αὐτοῦ ἐκ τῆς προσκαίρου καὶ ματαίας ταύτης ζωῆς εἰς τὴν οὐράνιον, αἰώνιον καὶ ἄφθαρτον, ἔνθα θὰ στέψῃ αὐτὸν μὲ τὸν ἀμαράντινον τῆς δόξης στέφανον.

Τοιαῦται, Θεοφιλέστατε Δέσποτα, καὶ λοιπὴ πένθιμος διμήγυροις, τοιαῦται ἐν σκιαγραφίᾳ αἱ ἀρεταὶ αἱ περικοσμοῦσαι τὴν μακαρίαν ψυχὴν τοῦ ὑφ' ἡμῶν σήμερον κηδενομένου διδασκάλου ἡμῶν, ἃς ἀδυνατῶ ἐπαξίως νὰ ἐξυμνήσω.

Νῦν δὲ στρέφων τὸν λόγον πρὸς σέ, πολύκλαυστε διδάσκαλε ἡμῶν, ἐκφράζω σοι τὴν ἐγκάρδιον εὐγνωμοσύνην πάντων τῶν ἐνταῦθα μαθητευσάντων καὶ μαθητεύοντων ἑλλήνων παρόντων τε καὶ ἀπόντων διὰ τοὺς ἀτρύτους μοχθούς καὶ κόπους, τοὺς ὑπὸ σοῦ καταβληθέντας πρὸς καλλιέργειαν τῆς μητρικῆς γλώσσης ἡμῶν ἐν τῇ τροφῷ ἡμῶν Ἀκαδημίᾳ. Δέχθητι τὸν ἐλάχιστον τοῦτον φόρον, ὃν σοι ἀποτίνομεν καὶ διὰ τὴν ἴδιαιτέραν ἀγάπην, ἣν ἐτρεφες πρὸς ἡμᾶς καὶ πρὸς πάντας. Δέχθητι τὰς εὐχαριστίας ἡμῶν, ἃς σοι ἐκφράζομεν κατὰ τὴν τελευταίαν καὶ φοβερὰν ταύτην στιγμὴν τοῦ χωρισμοῦ, τοῦ τελευταίου ἀσπασμοῦ.

Προσφωνῶν δέ σοι τῷ ἀγαπητῷ διδασκάλῳ ἡμῶν τὸ ὕστατον καὶ αἰώνιορ Χαῖρε καὶ καθῆκον χριστιανικὸν ἐπιτελῶν, θερμῶς δέομαι τοῦ Παναγάθου Θεοῦ ἡμῶν, ὅπως τὴν μέν μακαρίαν ψυχὴν σου ἀναπαύσῃ ἐν τοῖς κόλποις τοῦ Ἀβραάμ, τὴν δὲ πενθοῦσαν οἰκογένειαν σου παραμυθήσηται ἐπιχέων εἰς τὰς βαρυαλγούσας καρδίας τῶν μελῶν αὐτῆς τὸ γλυκὺ τῆς παρηγορίας βάλσαμον. Γένοιτο!

Ταῖαν ἔχοις ἐλαφράν, ἀείμνηστε διδάσκαλε ἡμῶν Ἰωάννη!

·Ιεροδιάκονος Διονύσιος (Μαραγκούδάκης).

Рѣчь студента IV курса Семена Бондаря.

Ἀγαπητὲ ἡμῶν διδάσκαλε!

Ἐπίτρεψον καὶ ἐμοι, ἵνα σοι εἴπω τὸ τελευταῖον „χαίρε“ ἐν τῇ γλώσσᾳ ἐκείνῃ, ἣν μετὰ ξήλου ἐδίδασκες ἡμᾶς καθ' ὅλον τὸν ἐπὶ γῆς βίον σου, ἣν δε καὶ ὅμελουν καὶ ἔγραφον οἱ ἀρχαῖοι σοφοὶ καὶ οἱ

διδάσκαλοι τῆς ἐκκλησίας Βασίλειος ὁ Μέγας, Γρηγόριος ὁ Θεόλογος,
Ιωάννης ὁ Χρυσόστομος καὶ οἱ λοιποί.

Τίς δώσει κεφαλή μου ὕδωρ καὶ ὀφθαλμοῖς μου πηγὴν δακρύων,
καὶ κλαύσουμαι τὸν λαὸν μου—οὗτος εἶπε μακάριος ὁ προφήτης Ἱερε-
μίας θρηνῶν τὸν λαὸν αὐτοῦ Ἰσραὴλ (Ἴερ. IX, 1). Οὕτω δε πλαισί-
σήμερον καὶ ἡ πνευματικὴ τροφὸς ἡμῶν Ἀκαδεμία, συνοδεύουσα σε,
ἀγαπητὲ ἡμῶν διδάσκαλε, μέχρι τοῦ τάφου, ώς στερηθεῖσα προσφι-
λοῦς αὐτῆς νῦν. Τί δε εἴπω εἰς τὴν παρηγορίαν, διὰν βλέπω, ὅτι ὁ
θάνατος ἔκλεισε τὸ στόμα σου; Οὐ δύναται γὰρ ὁ ἐμὸς ἀσθενὴς
λόγος ἐκφράσαι τὸ μέγα μυστήριον τοῦ θανάτου, ὃν ἐπέβαλεν ὁ Θεὸς
τοῖς ἀνθρώποις διὰ τὴν ἀμαρτίαν τῶν προπατόρων ἡμῶν, οὐδέ δύνα-
ται ὁ ἐμὸς λόγος λαλεῖν τὸ ἀπρόσιτον μυστήριον τῆς ἀναστάσεως καὶ
τῆς αἰωνίου ζωῆς, ἣν ἔδωκεν ἡμῖν ὁ ἑσχατος Ἀδάμ Χριστὸς ὁ Θεὸς
ἡμῶν. Τί δε εἴπω; Ἄρα δύναμαι εἰπεῖν ἐπαξίως περὶ τῆς σοφῆς
δράσεως σου ἐν τῇ ἐπιστήμῃ, ἀφ' οὗ περὶ ταύτης γνωρίζουσι πάλ-
λιον ἐμον παριστάμενοι ἐν ταῦθα οἱ ἄνδρες σοφοὶ καὶ ἐπιστήμωνες;
Ἄρα δίναμαι εἰπεῖν ἐπαξίως περὶ τῶν σῶν ἀρετῶν καὶ περὶ τῆς σῆς
ἀγάπης πρὸς τὸν πλησίον, ἀφ' οὗ καὶ περὶ τούτων γνωρίζουσι πάντες
ἰδίᾳ δε οἱ ἐκ τοῦ σύνεγγυς σχετισθέντες μετά σου καὶ ἐκεῖνοι, οἵς
ἐβοήθησαν διὰ τῶν ἐλεημωσύνων σου; Καὶ πάσα δάκρυα χέουσι νῦν
ἐπὶ τῷ θανάτῳ σου οἱ πτωχοί καὶ οἱ ἐνδεεῖς; πόσας δέησεις ἀνα-
πέμπουσι τῷ Ὑψίστῳ περὶ ἀναπαύσεως τῆς μακαρίας ψυχῆς σου; τί
δε εἴπω σοι, ὅταν μετὰ πεποιθήσεως γνωρίζω, ὅτι σὺ συνδιαλέγει
ἄπαρτι μετὰ τῶν ἀσωμάτων δυνάμεων, ὅτι σὺ βλέπεις νῦν „Ἄνθρακα
οὐκ εἶδε καὶ οὐκ ἦκονσε καὶ ἐπὶ καρδίᾳ ἀνθρώπου οὐκ
ἀνέβη, ἀντοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτόν“ (2 Κορ. II, 9).
Τί δε εἴπω μετὰ πάντα ταῦτα; Ἄρα κλαύσουμαι; ἀλλὰ πῶς κλαύ-
σουμαι ὅταν μετὰ πεποιθήσεως γνωρίζω, ὅτι ἡ ψυχὴ σου μετέβη εἰς
τὰς αἰωνίας μονάς, ἐνθα οὐκ ἔστι πόνος, οὐδὲ λύπη, οὐδὲ στεναγμὸς
ἀλλὰ ζωὴ ἀτελεύτης. „Μακάριοι γὰρ—λέγει ὁ Θεῖος Ιωάννης — οἱ
νεκροὶ οἱ ἐν Κυρίῳ ἀποθνήσκοντες. Ναὶ, λέγει τὸ Πνεῦμα, ἵνα ἀνα-
παύσωνται ἐκ τῶν κόπων αὐτῶν“ (Ἀποκ. XIV, 13). Ἀληθῶς πολυ-
παθῆς καὶ πολύπονος ἦν ἡ σὴ ζωὴ ἐπὶ γῆς· μεγάλη δε ἡ παρηγορία
ἡμῶν ἔστι, ὅτι σὺ ἀπέρχει εἰς τὸν τόπον τῆς ἀθανασίας καὶ τῆς
μακαριότητος, εἰς τὴν οὐρανιον πόλιν, ἵνα παραστῆς τῷ μακαριοτάτῳ
Δεσπότῃ πάντων τῷ περικυκλουμένῳ ὑπὲ τῶν ἀγγέλων καὶ τῶν ἀγίων
καὶ ἐκεῖ ἀναπαύσῃς ἐκ τῶν κόπων σου.

„Ἄειτε πρὸς μέ πάντες—λέγει Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν—οἱ κοπιῶν-
τες καὶ πεφροτισμένοι, καγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς· ἄρατε τὸν Συγόνον μου
ἐφ' ὑμᾶς καὶ μάθετε ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι πρᾶξός εἰμι καὶ ταπεινὸς τῇ

καρδίᾳ· καὶ εὑρήσετε ἀνάπτανσιν ταῖς ψυχαῖς ὑμῶν“ (*Матф. XI, 28–29*). Καὶ ἀληθῶς μετὰ ταπεινώτητος προσῆλθες πρὸς Κίριον, καὶ ἦρας τὸν ζυγὸν αὐτοῦ, καὶ ἐμόχθησας διὰ τὸν Θεὸν, ἔφερες δὲ τὸν σταυρόν σου. Καὶ Κύριος δὲ Θεός ὑμῶν δώσει σοι τὸν στέφανον βελτίονα, ἢ ἀσθενῆς λόγος ἐμοῦ..... Χαῖρε, χαῖρε ὁ ἀγαθὲ διδάσκαλε ὑμῶν! Ἡμεῖς δὲ πλήρεις ἀγάπης πρὸς σε δεόμεθα τοῦ Ὑψίστου, ὅπως ἀναπταίσῃ τὴν ψυχήν σου ἐν τόπῳ φροτεινῷ, ἐν τόπῳ χλοερῷ, ἐν τόπῳ ἀναπτύσσεως. Ἄμην.

‘Ο φοιτητὸς ἐκ τετάρτου κοίρος Συμεὼν δὲ τοῦ Δημητρείου Βόνδαρ.

Речь студента II-го курса Николая Остроуцова¹⁾.

Дорогой наставникъ! Давно уже ты покинулъ насъ и нашу родную Академію. Вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ твоя болѣзнь отдѣлила тебя отъ насъ и нашей Академической семьи. Мы ждали, когда пройдетъ твой недугъ, ждали, когда ты, наконецъ, снова появишься среди насъ, снова будешь читать намъ лекціи такъ-же, какъ и прежде, думали, что ты снова съ такимъ-же свѣтлымъ и здоровымъ взоромъ вступишь въ двери аудиторіи. Но, увы!..... Тщетны наши думы, напрасны надежды и ожиданія! Не тамъ мы тебя встрѣчаемъ, гдѣ думали, не такимъ мы тебя видимъ, какимъ желали. Встрѣчаемъ тебя не въ аудиторіи, а здѣсь въ нашемъ храмѣ, не живымъ и полнымъ силъ мы тебя видимъ, а уже мертвымъ, съ потухшимъ взоромъ и съ склоненными устами. Вотъ ты лежишь теперь предъ нами безгласенъ. Не слышны твои болѣе рѣчи, твои бесѣды съ нами, совѣты и наставленія, которые ты давалъ намъ прежде и которыми мы такъ часто пользовались. Что-же намъ теперь говорить, когда ты молчишь?.... — Грустныя мысли, тяжелое чувство переживаемъ мы въ сіи минуты, хорошо зная, что скоро и совсѣмъ не увидимъ тебя, зная, что еще — немного, и тѣло твое, лежащее передъ нами, унесутъ и опустятъ въ землю. Такъ еще надъ однимъ изъ смертныхъ свершится непреложный приговоръ Господа: „земля еси и

¹⁾ Произнесена на отпѣваніи предъ чтеніемъ Евангелія.

въ землю отъидеши“.... Какъ намъ не скорбѣть! — Если Христосъ скорбѣлъ объ умершемъ другѣ своемъ Лазарѣ, то какъ не скорбѣть намъ, когда мы въ лицѣ усопшаго лишились не только наставника и руководителя, но и друга. Постиинѣ такимъ былъ усопшій. Кто не зналъ изъ нась его любящаго сердца, которое всегда отзывалось на всѣ нужды и запросы каждого? Онъ готовъ былъ всегда, когда нужно, подать совѣтъ и пріѣдти на помощь. Это былъ незамѣнныи руководитель въ нашихъ студенческихъ занятіяхъ. Это былъ неутомимый служитель науки и своего дѣла, которое было для него наслажденіемъ. Испытывая великое наслажденіе отъ знанія, онъ готовъ былъ всегда подѣлиться имъ и съ другими. Онъ не превозносился своими знаніями и ученостью, какъ превозносятся иногда кичливая ученость и знаніе нашего вѣка. Будучи однимъ изъ старшихъ профессоровъ нашей Академіи, усопшій неутомимо трудился здѣсь цѣлую четверть столѣтія на поприщѣ своего служенія наукѣ. Его труды извѣстны всѣмъ въ ученомъ мірѣ и снискали авторитетъ и уваженіе. А его общественная дѣятельность! Кто не зналъ усопшаго не только здѣсь въ Сергіевомъ-Посадѣ и Москвѣ, а и далеко за ихъ предѣлами? Я самъ былъ свидѣтелемъ этого. Невольно припоминается слѣдующій случай. — Нынѣшнимъ лѣтомъ пришлось мнѣ быть въ одномъ глухомъ и бѣдномъ селеніи своей Тульской губерніи. Здѣсь встрѣтился я съ сельскимъ діакономъ. Разговорившись со мной и узнавъ отъ меня, что я студентъ Московской Дух. Академіи, онъ началъ съ интересомъ спрашивать объ Иванѣ Николаевичѣ и, прощаюсь со мной, попросилъ, по пріѣздѣ въ Академію, передать ему низкій поклонъ. Это былъ ученикъ усопшаго, въ его бытность смотрителемъ Тульскаго духовнаго училища, по семейнымъ обстоятельствамъ не окончившій курса семинаріи и поступившій въ діакона. А кто изъ живущихъ въ Посадѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ не обращался къ усопшему? Кто изъ просящихъ его не получалъ просимое, оставался когда-либо тощъ? Почившій не любилъ отказывать — и не могъ. Его духовная связь особенно съ своими учениками и питомцами была всегда крѣпка, не только въ годы ученія и пребыванія въ стѣнахъ Академіи, а и послѣ и внѣ стѣнъ этого учебнаго заведенія. Не будемъ, однако, много говорить о

научной и общественной дѣятельности почившаго; пусть это цѣнятъ наука и общество. Мы же цѣнимъ любящее сердце усопшаго, снискавшее ему общее уваженіе и горячую любовь; для насъ дорога и поучительна его любовь къ труду,—любовь, которую не могла сломить и физическая немощь и которая давала ему жизненную стойкость. О, незабвенный нашъ наставникъ! Какъ тяжела для насъ твоя утрата! О, если бы ты могъ возстать изъ гроба и видѣть всѣхъ твоихъ питомцевъ, стоящихъ здѣсь у твоего гроба съ грустнымъ чувствомъ, при мысли, что скоро придется дать тебѣ „послѣднее цѣлованіе“ и сказать послѣднее „прости“!

Но, оплакивая твою кончину, дорогой нашъ наставникъ, мы все-таки утѣшаемъ себя тѣмъ, что твое дѣло не пройдетъ даромъ, что твое вліяніе не пропало, а живеть въ насъ и будетъ передаваться черезъ насъ и нашимъ потомкамъ, что посвященные тобою сѣмена возрастутъ сторицею!

Вѣчная память тебѣ, дорогой нашъ и незабвенный наставникъ!

Рѣчь студента IV курса Александра Платонова¹⁾.

Незабвенный наставникъ!

Предъ нами твое бездыханное тѣло. Еще нѣсколько нашихъ молитвенныхъ о тебѣ вздоховъ,—и мы въ послѣдний разъ дадимъ тебѣ цѣлованіе нашей любви; еще нѣсколько мгновеній,—и грозно прозвучитъ тотъ роковой глаголь времenъ, когда ты, любившій и горячо любимый, будешь принять холодной землей въ ея ледяныя объятья и скроешься на вѣки отъ нашихъ взоровъ. Неужели это правда? неужели это не сонъ? неужели такъ быстро наступила разлука? Не想要ъ сердце вѣрить этому, но горькая дѣйствительность.. о, какъ она ужасна!.. Давно-ль?.. давно-ль мы видѣли тебя бодрымъ и жизнерадостнымъ? а теперь уже въ этомъ храмѣ бессмертного Бога отъ тебя вѣть дыханіе смерти. Давно-ль мы отвѣчали словомъ горячаго привѣта на твое теплое слово

¹⁾ Произнесена предъ пѣніемъ стихири „Придите послѣднее цѣлованіе“.

безграничной любви къ намъ?—а теперь вокругъ тебя по-никшія головы юношей, твоихъ питомцевъ, съ грустью и тоской взирающихъ на твой безжизненный прахъ. Словно туча грозная повисла надъ нами; словно камень тяжелый, легъ на наше сердце; словно грома ударъ поразилъ насъ; и туча та смерть твоя была, а камень тотъ—вѣсть о кончинѣ твоей, и грома ударъ—тотъ общій стонъ, что вырвался изъ нашихъ сердецъ отъ великой скорби по тебѣ.

Какая горькая и невознаградимая потеря для насъ въ твоемъ лицѣ! Надеждами и радостью живеть наша юношеская студенческая семья. Но и ей знакомы бури житейскихъ невзгодъ, и она падаетъ иногда подъ непосильнымъ для нея бременемъ земныхъ печалей и тревогъ. Такъ весело распускающіяся и жизни полный молодой цвѣтокъ начинаетъ увядать подъ напоромъ грозной стихіи. Но пусть цвѣтокъ увидить лучъ солнца—и онъ снова оживится подъ его вліяніемъ, всюду распространяющимъ радость и жизнь. И такимъ лучомъ солнца для насъ былъ ты, нашъ дорогой наставникъ, когда насъ удручили горести жизни. Повидимому, все погибло, всѣ надежды разрушены, вся радость убита. Но вотъ ты протягиваешь свою руку помощи, и буря миновала и снова въ сердцѣ—свѣтлая радость. Но теперь какъ быстро и какъ безвременно погасъ лучъ твоей любви, и этотъ взоръ, прежде всюду разливавшій ласку, какъ онъ мертвенно—не-подвиженъ, и эти руки, прежде простиравшіяся ко всѣмъ съ дѣлами милосердія, какъ онъ сами беспомощны и безсильны! Теперь предъ нами—одна бездыханная жертва любви къ намъ. Теперь мы должны служить тебѣ, дорогой и горячо любимый нашъ учитель; теперь ты, беспомощный, ищешь нашей помощи,—и вотъ тебѣ обѣтъ предъ гробомъ твоимъ въ вѣчной молитвѣ о тебѣ предъ престоломъ Любящаго тѣхъ, которые съ радостью въ этой жизни несутъ крестъ любви къ братьямъ своимъ. Но если у гроба этого позволительно и земное выраженіе благодарности тебѣ предъ разлукой съ тобой, то вотъ тебѣ нашъ отъ сердца земной поклонъ.

Рѣчь студента II курса Священника Феодосія Остров-
скаго ¹⁾.

Дорогой наставникъ!—Всѣ мы знали, что тяжкій недугъ вель тебя къ исходу изъ земной жизни. Ты во гробѣ; и съ тебя смерть взяла свою дань, разлучивъ съ этимъ міромъ! Теперь ты предсталъ предъ судищемъ Христовымъ, куда и всѣмъ намъ придется явиться, хотя и въ разное время. Хотя вся наша жизнь есть путь къ смерти, но часъ ея никому неизвѣстенъ. Мы знаемъ, сколько прожили, но никто не знаетъ, сколько еще остается ему жить. — Господь потребовалъ тебя, дорогой наставникъ, въ горнія обители въ то время, когда-бы рано еще, по человѣческому разумѣнію, отлучаться изъ этого міра.—Вѣдь не такъ давно еще намъ приходилось держать предъ тобою отвѣтъ; но съ тѣхъ поръ безжалостный недугъ привелъ тебя къ этому концу и отнялъ тебя изъ среды насъ. Невольно твоя смерть напоминаетъ каждому и его участь. Конечно, намъ живымъ трудно оставить свои земныя дѣла, желанія и мысли, потому что земное насть окружаетъ, потому что земное намъ необходимо для земной жизни, но у твоего гроба, дорогой наставникъ, благовременно вспомнить и поучиться, какъ и намъ нести бремя своей жизни.

Ни для кого не тайна, что праздность была тебѣ незнакома. Трудъ, возложенный Богомъ на людей, какъ обязанность, какъ необходимое условіе жизни, былъ постояннымъ спутникомъ твоей жизни, и ты несъ его въ своемъ званіи и состояніи съ тою высотою, съ тѣмъ терпѣніемъ, которымъ могутъ служить примѣромъ. — Разнообразенъ былъ твой трудъ: онъ касался и науки и устроенія блага близкихъ. Не намъ оцѣнивать твои дѣянія; мы, служители алтаря, вѣримъ, что на судѣ, которому ты теперь предсталъ, устоить душа твоя. Св. Церковь идетъ тебѣ на помощь. Ты пользовался уже ея спасительными таинствами, и теперь церковь, какъ сердобольная мать, пекущаяся о своихъ чадахъ, ходатайствуетъ за тебя у Царя небеснаго и имѣеть твердое упованіе быть услышанною. Исполняя свой долгъ, она исполняетъ и твою просьбу: „непрестанно молитесь о мнѣ, взы-

1) Произнесена предъ выносомъ тѣла изъ церкви.

ваешь ты устами Св. Церкви въ ея пѣснопѣніяхъ, да не низведенъ буду... на мѣсто мученія". Да,—намъ живымъ до тѣхъ поръ, пока смерть не возьметъ и съ нась своей дани, остается одно утѣшеніе—молитва: да упокоитъ Господь душу твою въ селеніи праведныхъ!—Аминь.

Стихотвореніе, прочитанное студентомъ III курса М. И. Бенеманскимъ въ кладбищенской церкви предъ литіемъ:

„Предъ могилою собравшимся въ благоговѣніи
Тебѣ послѣднее „Прости“ сказать
Позволь еще ужь разъ твои творенья
И трудолюбіе твое хвалой вѣнчать.

* * .
* *

Сколь памятны для нась священные завѣты
Твоей всей жизни трудовой!
Мы слышимъ всѣ, что ласкою твоей согрѣты,
Къ труду зовущій голось твой.

* * .
* *

Вѣдь труженикъ ты былъ, какихъ ужь мало
Въ нашъ вѣкъ истерзанный, больной;
И хоть давно ужь плоть твоя страдала,
Всё время бодръ ты былъ своей великою душой.

* * .
* *

Тобой изученныхъ героевъ
Въ тебѣ великій духъ почилъ,
И будучи труда героемъ,
Ты нась труду-жъ всегда училъ.

* * .
* *

Работалъ ты сколь многи лѣта
И не щадилъ здоровьяя своего!
Святителя ты славилъ Филарета,
Плѣнялъ нась жизню его.

* * .
* *

Ты жизнямъ многихъ успешихъ ужь Владыкъ
Перомъ своимъ далъ книжное безсмертье,

Правдивъ быль твой о нихъ языкъ....
Въ бессмертии ихъ и для тебя бессмертье.

* *
*

Ты новымъ свѣтомъ освѣтилъ
Премудрыхъ еллиновъ о Богѣ, какъ Творцѣ, идеи
И тѣхъ труды, устами коихъ говорилъ
Самъ Духъ Святый при Филадельфѣ Птоломеѣ.

* *
*

Подъ бременемъ труда твои не гнулись руки...
Богатства книжныя Владыки Саввы
Ты перенесъ въ родной намъ храмъ науки
Жрецовъ его для вящей славы..

* *
*

Ты пыль отъ хартій отряхнулъ,
Даль въ нихъ возможность разбираться
И въ многія изъ нихъ самъ жизнь вдохнулъ,
За что передъ тобой нельзя не преклоняться.

* *
*

Всю жизнь ты „сыномъ Церкви“ жилъ,
Мольбой горячею молился,
По христіански всѣмъ благотворилъ,
Для бѣдныхъ все время трудился.

* *
*

И вдругъ среди трудовъ внезапно ты угасъ,
Престало сердце твое биться,
И роковой насталъ ужъ часъ
Съ тобой навѣки намъ проститься.

* *
*

За все: за всѣ твои творенья,
Ученость гдѣ твоя видна,
За тѣ отцовскія къ намъ отношенья.
Любовь гдѣ лишь была одна,

* *
*

Прими отъ насъ, о умъ высокій,
И Церкви сынъ, наставникъ дорогой!
Поклонъ всеобщій и глубокій,
Какъ вѣрный знакъ любви святой.

* *
*

Свидѣтельствуемъ мы нелицемърными устами,
Что всѣ тѣбя глубоко чтимъ,
Что образъ твой жить будеть между нами
Воспоминанье вѣчно дорогимъ,

* * *

Что изъ земли родной, тобой любимой,
Къ тому священному холму,
Который будеть надъ твоей могилой,
Протопчемъ вѣчную тропу“.

* * *

Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского¹⁾.

Жизнь проходила въ трудахъ и лишеніяхъ.
Все—лишь для пользы и блага людей.
Сколько даровъ онъ принесъ просвѣщенію!
Сколько утѣшилъ несчастныхъ семей!
Силы упали. Но духа стремленіе
Также свѣжо, энергично, бодро.
Тѣло на смертномъ одрѣ, въ истощеніи;
Сердце все силится дѣлать добро.
Вотъ и надъ нимъ пробилъ часъ воздаянія.
Видѣлъ труды тѣ Небесный Отецъ.
Будетъ, сказалъ Онъ. Ты несъ послушаніе
Вѣрно. Прими-жъ заслуженный вѣнецъ.

Михаилъ Виноградовъ, студентъ 3 курса.

Рѣчь студента IV курса Александра Соболева²⁾.

Здѣсь, на краю могилы, которая навсегда скроетъ отъ насъ дорогіе останки, позвольте и мнѣ сказать послѣднее прости почившему. Я не буду вспоминать о дѣятельности покойнаго, какъ профессора. Его заслуги по каѳедрѣ по достоинству оцѣнены въ другихъ рѣчахъ, сказанныхъ при его гробѣ. Я укажу здѣсь на другую сторону дѣятельности

¹⁾ Прочитано въ кладбищенной церкви предъ литіемъ.

²⁾ Произнесена на кладбищѣ.

Ивана Николаевича, я укажу на то участіе, которое прини-
маль онъ во всѣхъ, обращающихся къ нему. Его любвеобиль-
ное сердце находило откликъ на нужды и скорби каждого,
кто только обращался къ его помощи. Сколько разъ и мнѣ
самому приходилось обращаться къ нему за совѣтомъ, за
утѣшениемъ, и могу сказать, что я никогда не отходилъ
отъ него тощъ. Его совѣты мнѣ были совѣтами любящаго
отца, его утѣшенія — утѣшеніями матери. Да и не только
мнѣ. Товарищи, отказалъ ли почившій хоть одному въ чемъ-
нибудь? Надобенъ-ли былъ кому совѣтъ, нужно ли было
утѣшеніе, смѣло всякий шелъ къ Ивану Николаевичу, и онъ
охотно выслушивалъ каждого, давалъ совѣтъ, утѣшалъ, по-
могалъ, чѣмъ могъ. Ровный и мягкий въ обращеніи со всѣми,
покойный въ полномъ смыслѣ слова былъ другомъ для
всѣхъ. Не даромъ мы всѣ собрались здѣсь отдать послѣд-
ний долгъ тому, кого считали своимъ покровителемъ. Чѣмъ
же мы можемъ возблагодарить Ивана Николаевича за его
участіе, за его заботы? Послѣднее напутствіе, которымъ наша
православная церковь провожаетъ усопшаго въ могилу, за-
ключаетъ въ себѣ пожеланіе величайшаго блага, какое ос-
тается ему еще и на землѣ. И дѣйствительно, что можемъ
быть дороже для человѣка, какъ не вѣчная память о немъ
въ сердцахъ близкихъ, друзей и товарищѣ? Такъ пусть же
это пожеланіе не останется только словомъ церковнаго
гимна: сохранимъ въ нашихъ сердцахъ о почившемъ рабѣ
Божіемъ, боляринѣ Іоаннѣ, вѣчную память!

**Рѣчь неизвѣстной женщины сказанныя на могилѣ проф. И. Н.
Корсунскаго ¹⁾.**

Вѣчная память тебѣ, рабѣ Божій, Іоаннѣ! Потрудился ты
много за насъ грѣшныхъ. Хорошій ты былъ профессоръ, а
человѣкъ еще лучше. Помолитесь за него православные!
много людямъ добра онъ сдѣлалъ. Я сама, грѣшная, много
милости отъ него получила. Хорошо онъ жилъ, хорошо и
умеръ. Дай, Господи, и намъ такъ умереть! Господи, душу
раба твоего Іоанна упокой! (плачъ прервалъ ея слово).

¹⁾ Записалъ студ. IV курс. Г. В. Любомудровъ.

к-69

69/11

к 69

29.

ПРОФЕССОРЪ
Иванъ Николаевичъ

Корсунскій.

Н. Остроумовъ.

69/11

ТУЛА.

Фотографія И. Д. Фортунатова, Киевская ул., д. Платоновыхъ.

1900.

Инв. № 69///

Професоръ Иванъ Николаевичъ Корсунскій.

10 Декабря скончался ординарный професоръ Московской духовной Академіи по каѳедрѣ греческаго языка и его словесности, докторъ богословія Иванъ Никол. Корсунскій.—Покойный по своему рожденію и первоначальному школьному образованію принадлежитъ Тульской епархіи. Здѣсь же проходило и первоначальное служеніе его: почившій былъ преподавателемъ греческаго языка въ Семинаріи и смотрителемъ Тульского духовнаго училища. Имя почившаго извѣстно многимъ изъ духовенства не только въ г. Тулѣ, но и въ селахъ Тульской епархіи. Многіе сельскіе священники, діаконы и псаломщики—питомцы Ив. Николаевича, сохраняютъ до сихъ поръ добрую память о своемъ бывшемъ наставнику. Пишущему эти строки самому пришлось быть свидѣтелемъ любви и глубокой признательности къ почившему его бывшихъ учениковъ и питомцевъ. Лѣтомъ прошлаго 1899 г. я былъ въ одномъ селѣ Тульской епархіи. Встрѣтился тамъ со мной приходскій діаконъ. Мы мало-по-малу разговорились. О. діаконъ рассказалъ о своемъ ученіи въ Тульскомъ училищѣ и Тульской Семинаріи, рассказалъ, что онъ по семейному положенію своего отда не могъ кончить курса въ Семинаріи и долженъ былъ поступить на място. Разговоръ воспользовался разныхъ преподавателей; при этомъ особенно много мой собесѣдникъ рассказывалъ про Ив. Николаевича. Изъ всѣхъ хорошихъ качествъ покойнаго онъ особенно хвалилъ его „простоту“ и „сердечность“. „Это былъ добрый, хорошій наставникъ: я никогда не забуду его“,—говорилъ собесѣдникъ; и узнавъ отъ меня, что я—студентъ Моск. духовной Академіи, онъ началъ съ особымъ интересомъ разспрашивать объ Ив. Ник., о его здоровыи, семье и пр.; при этомъ, прощаясь со мной, усердно просилъ, по пріѣздѣ въ Академію, передать низайшій поклонъ Ив. Николаевичу.—Безъ сомнѣнія, извѣстіе о смерти Ив. Н. отзовется грустнымъ и печальнымъ эхомъ въ сердцахъ всѣхъ, хорошо знаяшихъ его въ г. Тулѣ и Тульской епархіи. И такъ какъ имя почившаго Ив. Николаевича такъ близко Тульской епархіи, особенно ея духовенству, то считаемъ своимъ долгомъ посвятить вѣсколько страницъ въ „Тульск. Епарх. Вѣд.“ сочувственному о немъ

воспоминанію, познакомить читателей этого духовнаго органа съ личностію и дѣятельностію почившаго. Думаемъ, что эти воспоминанія и знакомство не лишены интереса и пользы для каждого, такъ какъ почившій былъ не только уважаемымъ профессоромъ, извѣстнымъ ученымъ и виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, но и — рѣдкимъ человѣкомъ.

Ив. Николаевичъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго псаломщика; родился въ 1848 г. Среднее образованіе получилъ въ Тульской духов. Семинаріи, по окончаніи которой поступилъ для окончанія своего образованія въ Моск. духов. Академію. По окончаніи здѣсь курса въ 1874 г., Ив. Ник., какъ знатокъ греческаго языка, былъ назначенъ преподавателемъ этого языка въ родную ему Тульскую Семинарію. Служа здѣсь, онъ такъ успѣлъ скоро себя зарекомендовать, что уже въ 1876 г. былъ назначенъ смотрителемъ Тульскаго духовнаго училища. Въ качествѣ начальника этого заведенія, Ив. Никол. снискалъ къ себѣ особую любовь воспитанниковъ и глубокое уваженіе покойнаго незабвеннаго Архіепископа Тульскаго Никандра. Но, не долго послужилъ Ив. Никол. на пользу Тульской епархіи. Какъ человѣкъ, отличавшійся богатыми умственными дарованіями и удивительнымъ трудолюбіемъ на поприщѣ науки, онъ былъ въ 1879 г. призванъ въ Московскую духовную Академію. Съ этого времени и начинается его служеніе на высшей ступени духовной школы,—сначала въ должности библіотекаря. Занимая эту должность, Ив. Н. получилъ для себя полную возможность пользоваться всѣми книжными сокровищами Академической библіотеки и, так. обр., удовлетворять увеличивавшуюся жажду знаній. Изучая книжные сокровища Академіи, Ив. Н. пріобрѣлъ скоро громадный запасъ свѣдѣній по своей специальности — по греческому языку и его словесности.— Въ должности библіотекаря Ив. Н. былъ не долго, всего одинъ годъ; но и за это, сравнительно короткое, время онъ успѣлъ сдѣлать очень многое. Заботясь о наилучшемъ порядке библіотеки, онъ началъ составлять, а затѣмъ издавать „Систематический каталогъ книгъ библіотеки Москов. дух. Академіи“. Каталогъ этотъ составлялся и тогда, когда Ив. Н. уже оставилъ должность библіотекаря. Всего надъ составленіемъ указанного каталога покойный трудился 10 лѣтъ. Своимъ трудомъ онъ, безъ сомнѣнія, оказалъ громадную услугу не только Академіи, но и всѣмъ вообще желавшимъ ближе ознакомиться съ книжнымъ сокровищемъ рѣдкостной Академической библіотеки. Каталогъ, составленный

Ив. Никол., далъ возможность всѣмъ имѣть незамѣнимый для знакомства съ составомъ библіотеки руководитель. Благодаря стараніямъ Ив. Ник., Академическая библіотека замѣтно пополнилась книгами по разнымъ отдѣламъ. Затѣмъ въ 1880 г. Ив. Николаевичъ былъ приглашенъ на каѳедру греческаго языка и его словесности, на которой состоялъ почти до послѣднихъ дней своей жизни, съ 1891 г. въ званіи экстраординарнаго, а съ 1898 г. ординарнаго профессора. Кромѣ того, покойный состоялъ съ 1884 г. дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ учено-литературномъ журналѣ котораго (Чтенія въ О. Л. Д. Просв.) онъ помѣстилъ много своихъ статей, и вообще покойный сотрудничалъ въ этомъ журналь до самаго его закрытия ¹⁾, съ 1891 г. онъ состоялъ членомъ — корреспондентомъ Московскаго библіографическаго кружка и съ 1892 г. — членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Какъ ученый и богословъ, покойный былъ рѣдкимъ знатокомъ греческаго языка, какъ классическаго, такъ и библейско-церковнаго и новогреческаго. Покойный свои богатыя филологическія познанія посвятилъ богословской наукѣ, давъ цѣлый рядъ капитальныхъ ученыхъ трудовъ по исторіи естественаго богоопознанія и библейскаго текста. Главнѣйшими его учеными трудами были: 1) „Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (рядъ статей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ помѣщавшихся въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“); 2) „Іудейское толкованіе Ветхаго Завѣта“ (магистерская диссертација); 3) Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта (изслѣданіе, печатавшееся первоначально въ „Чтеніяхъ въ О. л. д. пр.“); 4) труды Москов. духов. Академіи по переводу св. Писанія и твореній свв. отцовъ на рус. яз. за 75 л. и 5) самый капитальный трудъ, доставившій автору ученую степень доктора богословія: „Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и его словесности“. Это сочиненіе закончено печатаніемъ въ 1898 г. Задумано онъ (сочиненіе) авторомъ было еще въ 1882 г., какъ говоритъ онъ самъ въ предисловіи къ нему, когда вышла въ свѣтъ его магистерская диссертација. Покойный проф. Ив. Ник. еще тогда обратилъ вниманіе на то важное значеніе перевода LXX, которое онъ имѣеть, какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ

¹⁾ Въ послѣдней книжѣ журнала (въ 1894 г.) онъ помѣстилъ біографію преосв. Теофана Затворника.

Іудейского толкованія Ветхаго Завѣта. Поэтому Ив. Ник. и рѣшился изслѣдоватъ языкъ LXX. Обширное (644+LII стр.) по своему объему и отличающееся крупными научными достоинствами, сочиненіе его было представлено въ Совѣтъ Моск. дух. Академіи. Совѣтъ поручилъ читать диссертацио двумъ профессорамъ: русскаго и церковно-славянскаго яз. и исторіи рус. литературы Г. А. Воскресенскому и — священнаго Писанія Ветхаго Завѣта В. Н. Мышцыну. Рецензенты дали самые лестные отзывы объ этой диссертациі. Замѣчательнъ, между прочимъ, отзывъ профессора В. Н. Мышцына.— „Задачу, которую поставилъ себѣ проф. Корсунскій, пишеть рецензентъ, могъ взять на себя лишь ученый, соединяющій въ себѣ филолога и богослова. А такимъ и явился авторъ. Знаніе классического языка у него на столько хорошо, что онъ положительно перестаетъ быть для него языкомъ мертвымъ, и становится живымъ, едва не роднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обладаетъ такимъ запасомъ свѣдѣній по части толкованій св. Писанія и критики текста Библіи, который пріобрѣсти собственно филологу — спеціалисту едва-ли возможно. Но и при богатствѣ эрудиціи за такой предметъ могъ взяться человѣкъ съ неисчерпаемой энергіей, съ кропотливымъ трудолюбіемъ. На такое терпѣливоѣ трудолюбіе способны лишь особые избранники“. И въ заключеніе рецензентъ говоритъ: „при всей учености автора, мы не встрѣтили въ его сочиненіи ни одной мысли, ни одного слова, ни одного толкованія, которыя могли бы хоть сколько-нибудь смутить сознаніе православнаго, даже юнаго читателя“¹⁾.— Указанное сочиненіе, однако, „составляетъ“, по заявленію автора, „только часть“ его 15-лѣтняго труда въ области изслѣдованія языка перевода LXX; необходимымъ дополненіемъ къ нему долженъ былъ служить словарь языка перевода LXX съ церковно-славянскимъ и русскимъ значеніемъ словъ и съ подраздѣленіями его на отдылы по употребленію сихъ словъ въ другихъ памятникахъ греческой письменности, — языческой и церковной. „Матеріалъ и для этого словаря,— писалъ покойный въ предисловіи къ своему труду въ 1897 г., — почти уже подготовленъ къ изданію, и если Богъ поможетъ, то онъ также не замедлитъ своимъ выходомъ въ свѣтъ“. Но Богъ судилъ иначе: смерть не дала Ив. Н. выпустить въ свѣтъ своей этой работы, столь дорогой для богословской науки....

¹⁾ Протоколы Совѣта за 1897 г., стр. 472 и слѣд.

Однако, Ив. Н. не былъ человѣкомъ отвлеченої мысли, не былъ замкнутымъ въ себѣ ученымъ. Напротивъ, онъ всегда былъ полонъ самаго живаго интереса къ окружающей жизни и горячей любви къ людямъ.— „Это была натура крайне жи-ваia и дѣятельная,— говорить составитель некролога почившаго въ „Моск. Вѣдом.“ (341 №),— всегда полнаа интереса къ окружающей жизни, любви къ живымъ людямъ. Его вѣра въ людей настъ всегда глубоко удивляла. Ничто такъ не было трудно, какъ разочаровать его въ лицахъ и вещахъ, убѣдить въ наличности дурныхъ мотивовъ и пр. Естественно поэтому, что его мысль рвалась къ такимъ лицамъ и событиямъ, на которыхъ съ отрадой могъ останавливаться взоръ его, въ которыхъ можно было получить подкрепленіе для вѣры въ людей и въ жизнь. Отсюда его благоговѣніе къ памяти митрополита Филарета, выразившееся въ большомъ количествѣ тру-довъ, посвященныхъ этому знаменитому іерарху. Все, что касается митрополита Филарета, онъ зналъ съ изумительной подробностію и точностію, и никто, можно сказать, больше Ив. Ник. не писалъ о митр. Филаретѣ²⁾. Отсюда же громадное количество написанныхъ имъ біографій, некрологовъ и воспоминаній о лучшихъ дѣятеляхъ вѣры и науки¹⁾ и раз-

²⁾ Кромѣ двухъ солидныхъ трудовъ: „О подвигахъ митр. Филарета въ дѣлѣ перевода Библіи на рус. яз.“ и „Святитель Филаретъ, Митр. Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Моск. каѳедрѣ по его проповѣдямъ въ связи съ со-бытиями и обстоятельствами того времени“, Ив. Н. написалъ: 1) Судьбы кате-хизисовъ Филарета, Митр. Моск.; 2) Одно изъ сочиненій богословскихъ митр. Филарета по суду иностранной критики; 3) Лирика Филарета, митр. Моск.; 4) Дѣятельность митр. Филарета въ холеру 1830—31 гг.; 5) Освященіе Исаакіев-скаго Собора и Святитель Филаретъ; 6) Отношеніе Филарета, м. Моск., фъ учрежденію и открытію Моск.-Я. жел. дороги; 7) Возсоединеніе униатовъ и Фи-ларетъ, м. Моск.; 8) Цѣль и задача Общества любителей духовнаго Просвѣ-щенія, намѣченная основателемъ его, митр. Моск. Филаретомъ, и ихъ осуще-ствленіе въ 25-лѣтней дѣятельности Общества; 9) Митр. Филаретъ и табако-курение; 10) Гармоническое развитіе и проявленіе силъ и способностей души въ святителѣ Филаретѣ, м. Моск.; 11) Филаретъ, м. Моск., въ русской и ино-странной литературѣ; 12) Митр. Филаретъ и О. П. Гаазъ; 13) Предки митр. Филарета; 14) Определеніе понятія о церкви въ сочиненіяхъ Филарета, митр. Моск.

¹⁾ Изъ біографій назвать можно слѣдующія: 1) біографія В. Д. Кудрявцева, 2) Феофана Затворника; 3) Высокопр. Саввы; 4) Инокентія, м. Моск. и Колом. 5) Сергія, и. Моск.; 6) Виссаріона, еп. Костромскаго; 7) Высокопреосв. Амвросія и мн. др. Изъ некрологовъ слѣдуетъ упомянуть: некрологъ Алексія, архіеп. Литовскаго, Никанора, арх. Херсонскаго, Платона, митр. Киевскаго, Леонтія, митр. Московскаго; Нивандра, архіеп. Тульскаго, Исидора, м. С.-Петерб.; арх. Григо-рія (Борисоглѣбскаго). Въ послѣднее время печатался біографич. очеркъ Антонія, архіеп. Казанскаго въ жур. „Вѣра и Церковь“.

наго рода очерковъ церковно-исторического характера²⁾. Онъ по справедливости можетъ считаться лучшимъ биографомъ своего времени по количеству и точности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній".

Ученая и литературная работа поглощала у Ив. Ник. большую часть его времени. Онъ работалъ съ большимъ напряженiemъ; вставая обыкновенно въ 4, а иногда и въ 3 ч. утра, онъ цѣлый день былъ занятъ какою-нибудь работой. Видѣть его безъ дѣла, хотя и въ вагонѣ желѣзной дороги, было невозможно. Любимой его поговоркой, когда ему говорили отдохнуть, успокоиться на время отъ занятій своими дѣлами, были слѣдующія слова: „отдохнемъ, когда не будемъ". Дѣйствительно, Ив. Н. трудился до послѣднихъ дней жизни. Уже лежа въ Москвѣ въ клинике проф. Чернова, за нѣсколько дней до смерти, онъ занимался работой: онъ исправлялъ представленную ему настоятелемъ одного монастыря большую рукопись, представляющую переводъ съ греческаго. „Рукопись эту нужно было не исправить только,—говорилъ покойный,—а составить заново, т. е. перевести съ начала до конца съ греческаго языка на русскій тѣ книги, содержаніе которыхъ представляетъ собою рукопись: до того плохъ и невѣренъ представленный переводъ"... И вотъ покойный, не смотря на сильный упадокъ силъ, берется за работу, начинаетъ ее и—кончаетъ. При этомъ, замѣчательно, покойный работаетъ совершенно бесплатно!... Извѣстно также, что покойный въ послѣдній годъ жизни работалъ надъ переводомъ съ греческаго богослужебныхъ пѣсней, но успѣлъ перевести лишь кондакъ и 10 икосовъ св. Пантелейиона и толкованіе канона на Воздвиженіе, Никодима святогорца.

Кромъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, покойный Ив. Ник. отличался широкою дѣятельностью на поприщѣ благотворительности. Въ этомъ отношеніи покойный заслуживаетъ названія истинно добра и милосерднаго человѣка, друга человѣчества.— „Онъ,—такъ мы читаемъ въ указанномъ выше некрологѣ,—одновременно состоялъ казначеемъ академического братства препод. Сергія, членомъ совѣта Александро-Маріинскаго дома призрѣнія, предсѣдателемъ Общества bla-

²⁾ Таковы: 1) Историческая записка о существованіи и дѣятельности Братства Сергія препод. За истекшія 10 лѣтъ; 2) Троице-Одигитріевскій женскій монастырь; 3) Зосимова пустынь, Алексинскаго у.; 4) Раненбургская Петропавловская пустынь; 5) Саввиць Сторожевскій Звенигородскій монастырь и мн. др.

готворительного Сергія и Никона, секретаремъ Общества Красного Креста, казначеемъ благотворительного Елизаветинскаго Общества. Во всѣхъ этихъ обществахъ онъ былъ чрезвычайно дѣятельнымъ членомъ: лично велъ всю отчетность, составлялъ отчеты наводилъ нужные справки, вездѣ и всегда являлся лично; не переставалъ покойный заниматься дѣлами, даже лежа на смертномъ одрѣ. Его энергія изумляла его сотрудниковъ, а аккуратность его вошла у сослуживцевъ покойнаго почти въ пословицу. Не мало понесъ онъ труда и по сбору пожертвованій на построеніе часовни — церкви при „убѣжищѣ“ Общества Сергія и Никона. Какъ казначей и предсѣдатель благотворительныхъ обществъ, покойный профессоръ имѣлъ дѣло не съ книгами лишь и деньгами, но и съ живыми людьми. Онъ былъ неизмѣннымъ посредникомъ между перечисленными благотворительными учрежденіями и обывателями посада. Постоянно въ домѣ его и на улицахъ около него можно было видѣть больныхъ, калѣкъ, нищихъ и оборванцевъ, обращавшихся къ нему, какъ къ предсѣдателю общества Сергія и Никона и,—едва-ли не чаще,—какъ къ добрѣйшему человѣку. Недостатокъ благотворительныхъ средствъ онъ не рѣдко пополнялъ своими собственными. Изъ своего немалаго литературного заработка многое—если только не все—онъ употреблялъ на бѣдныхъ и родственниковъ. Не удивительно поэтому, что его смерть вызвала въ посадѣ всеобщее сожалѣніе. Многіе, очень многіе изъ посадскихъ обывателей потеряли въ лицѣ его „благодѣтеля“.— Для студентовъ Академіи онъ былъ профессоромъ—другомъ. Для нихъ покойный былъ, прежде всего, незамѣнныи руководитель въ ихъ самостоятельныхъ работахъ. Кто изъ студентовъ не обращался къ почившему съ разными нуждами и запросами?—Всѣ, можно сказать, шли къ нему, и никто не уходилъ, не получивъ нужное. Да, это поистинѣ былъ другъ студентовъ. Почившій умѣлъ всѣхъ объединять вокругъ себя. Вступая охотно въ бесѣду съ своими питомцами—студентами, онъ никогда не давалъ чувствовать своего превосходства надъ молодыми собесѣдниками: его разговоръ всегда носилъ характеръ товарищеской бесѣды. Почившій отличался замѣчательною деликатностію, свидѣтельствующею о высокомъ благородствѣ его души. Часто, встрѣчаясь со студентами на улицахъ, онъ первый снималъ фуражку и кланялся. Добрыя и участливыя отношенія почившаго къ студентамъ не ограничивались только совѣтами и указаніями: онъ постоянно

заботился и о материальномъ обеспеченіи ихъ, о томъ, чтобы пріискать неимущимъ изъ нихъ средства для содержанія. Будучи самъ сыномъ бѣднаго сельскаго псаломщика, обремененнаго семьею, онъ хорошо понималъ участъ всѣхъ бѣдныхъ и неимущихъ. Хорошо зная это, почившій всѣми средствами шелъ на помощь такимъ людямъ. Безъ сомнѣнія, многие студенты безплатнымъ содержаніемъ въ Академіи обязаны дѣятельности покойнаго Ив. Николаевича. Окончившии оканчивающіе курсъ студенты хорошо помнятъ, какъ Ив. Н. изъ желанія помочь недостаточнымъ студентамъ Академіи, хлопоталъ объ устройствѣ въ ихъ пользу концертовъ и нерѣдко даже самъ принималъ участіе въ этихъ концертахъ, какъ прекрасный пѣвецъ и хороший декламаторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ив. Н. былъ человѣкомъ религіознымъ и глубоковѣрющимъ. Это былъ истинный сынъ православной Церкви. Можно сказать, что не проходило ни одного воскреснаго и праздничнаго дня, чтобы его нельзя было видѣть со своей семьею въ Академической церкви. Обладая звучнымъ и пріятнымъ тембромъ, онъ пѣлъ въ Академическомъ хорѣ вмѣстѣ со студентами. Эту любовь къ храму и церковному пѣнію покойный воспиталъ въ себѣ малолѣтства. Его товарищи по училищу и семинаріи до сихъ поръ помнятъ и рассказываютъ, какъ Ив. Н. любилъ посѣщать храмъ и пѣть въ немъ. Рассказываютъ, что Ив. Н. часто собиралъ своихъ нѣкоторыхъ товарищѣй въ семинаріи въ такъ называемую „сундучную комнату“ и тамъ пѣлъ съ ними церковныя пѣсни и разные гимны. Насколько отличался покойный религіозностію, можно отчасти судить по слѣдующему разсказу, слышанному мною отъ нѣкоторыхъ товарищѣй почившаго, теперь священниковъ Тульской епархіи.—Однажды, рассказываютъ, Ив. Ник. исчезъ изъ семинаріи. Стали искать. Нигдѣ не могли найти. Проходитъ нѣсколько времени, вдругъ является онъ. Что-же оказалось? —Ив. Н. ходилъ на богомолье въ лавру препод. Сергія. Дороги желѣзной тогда отъ Тулы до Лавры не было. Поэтому Ив. Ник. взялъ палочку и пошелъ по-добру по-здравому за 200 съ лишкомъ верстъ. Когда объ этомъ узнало семинарское начальство, оно хотѣло было уволить ученика Корсунского за самовольное отлученіе изъ заведенія.

Служа на всѣхъ ступеняхъ духовной школы, начиная съ низшей и кончая высшей—Академіей, почившій вездѣ оставилъ о себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ у сослуживцевъ, такъ и у воспитанниковъ. Духовная связь его съ по-

следними была крѣпка не только въ стѣнахъ заведенія, но и въ стѣнѣ, по выходѣ изъ него. Со многими изъ своихъ учениковъ, особенно окончившими Академію, онъ велъ переписку, давалъ тѣ или другія наставленія многимъ, вступившимъ въ самостоятельную жизнь. Добрая душа его была открыта для всѣхъ. Онъ давалъ всѣмъ потребное, когда занимъ къ нему обращались; и это онъ дѣлалъ отъ чистаго сердца, безъ всякаго лицемѣрія и корыстнаго расчета. Любовь, искренность, простота, незлобіе, кротость, которыми отличался Ив. Н. на школьнай скамьѣ, остались у него во всю жизнь до самаго гроба. Только неумолимая и немилосердная смерть, передъ которой бессиленъ человѣкъ, отняла у многихъ возможность пользоваться столь дорогими качествами почившаго. Особено дорогъ почившій Сергіеву посаду и Духовной Академіи, въ которыхъ онъ служилъ болѣе 20 лѣтъ и съ которыми онъ такъ сжился, что считалъ ихъ родными. Вся Академія и большинство посадскихъ жителей съ глубокой грустью встрѣтили печальное извѣстіе о смерти Ив. Н. Корсунскаго. Домъ почившаго, принимавшій многихъ, приходившихъ съ разными просьбами и нуждами, теперь сдѣлался еще болѣе полонъ народа, собравшагося, однако, не за тѣмъ, за чѣмъ прежде: теперь собрались всѣ, любившіе и знаящіе почившаго, за тѣмъ, чтобы вознести молитву о немъ и пролить горячія слезы скорби. У гроба покойнаго, пока тѣло его было въ домѣ, отслужено было до 20 панихидъ. 11 Декабря въ 5^{1/2} ч. вечера тѣло почившаго было вынесено въ Академическую церковь. Панихиду передъ выносомъ совершилъ преосв. еписк. Арсеній, ректоръ Академіи, съ инспекторомъ архим. Евдокимомъ, 13protoiereями, іеромонахами и священниками. Пѣль студенческій хоръ. Послѣ панихиды студенты вынесли гробъ съ прахомъ любимаго профессора изъ дома, и печальная процессія, сопровождаемая духовенствомъ, съ преосв. Арсеніемъ во главѣ, направилась по Вознесенской улицѣ и по другимъ улицамъ посада въ Академическую церковь. Гробъ сопровождало много народа. У всѣхъ почти сопровождавшихъ были въ рукахъ зажженны свѣчи. Путь освѣщался факелами. Въ тихомъ, но морозномъ воздухѣ, далеко слышалось стройное и громкое пѣніе академическимъ хоромъ „Святый Боже“. Къ 6 ч. гробъ былъ принесенъ въ Академич. церковь. Когда онъ былъ поставленъ здѣсь, и когда весь народъ взошелъ въ церковь, проф. Зазерскимъ было сказано небольшое, но прочувствованное слово. Такъ какъ была суббота, (слово суббота—означаетъ по-

кой), то ораторъ, пользуясь этимъ, сказалъ слово о христіанскомъ покоѣ и о томъ, какъ можно достигнуть его.

Заупокойная літургія по усопшемъ и отпѣваніе его проісходили 12 Декабря. Отпѣваніе совершилъ ректоръ еп. Арсеній съ болѣе, чѣмъ 20 священнослужителями. Народу такъ было много, что не только полонъ былъ храмъ, но народъ стоялъ даже на лѣстницахъ и въ коридорахъ. Отпѣваніе окончилось около 3 ч. дня. Рѣдкое явленіе: было произнесено надъ гробомъ почившаго до 18 рѣчей. Одна рѣчь студентомъ іеродіакономъ Діонисіемъ была произнесена на греческомъ языкѣ. По совершеніи отпѣванія, похоронная процесія направилась изъ Академической церкви на Вознесенское кладбище, мѣсто погребенія усопшаго. Гробъ несли все время профессора, студенты и почитатели памяти почившаго. На гробъ возложено было множество вѣнковъ. Между прочимъ одинъ вѣнокъ отъ общества хоругвеносцевъ Троицкаго посада съ надписью: „радѣтелю всякаго доброго дѣла“. Къ концу 4 ч. гробъ былъ принесенъ на кладбище. Здѣсь была совершена литія. При этомъ, было сказано двѣ рѣчи студентами и прочтены два стихотворенія, посвященные почившему. Замѣчателенъ при этомъ слѣдующій фактъ. Кончилось погребеніе; народъ сталъ расходиться съ мѣста, гдѣ находится могила почившаго. Къ могилѣ подошла бѣдная плохо одѣтая старушка. Рыдая, она начала что-то говорить. Послѣднія слова ея были: „добрый былъ человѣкъ, хороший профессоръ... Хороша была его жизнь. Дай Богъ намъ также жить и умереть, какъ онъ жилъ и умеръ“... При этомъ, она взяла горсть земли, бросила ее на могилу и затѣмъ ушла. Это была послѣдняя, можно сказать, рѣчь, произнесенная простою женщиной, безъ сомнѣнія, хорошо знавшей покойнаго и, можетъ быть, не разъ имѣ облагодѣтельствованной.

Да, память объ Ив. Николаевичѣ не умретъ въ тѣхъ, кто его зналъ. Его жизнь навсегда останется поучительной для многихъ: она учитъ трудолюбію и той любви къ людямъ, о которой сказалъ Спаситель: „сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы“ (Іоан.—15, 12).

Н. Остроумовъ,

Тула. 28 Марта, 1900 г. Дозволено цензурою.

Протоіерей Георгій Цановъ.

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.

Священник Дмитрий ЮРЕВИЧ

**ПРОФЕССОР
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КОРСУНСКИЙ (1849-1899):
ПОРТРЕТ УЧЕНОГО**

*Доклад на XXXVI Международной филологической конференции СПбГУ
в секции «Библия и христианская письменность»
Санкт-Петербург, 13 марта 2007*

Электронный вариант

*Профессор Московской православной духовной академии
Иван Николаевич Корсунский (1849-1899)*

Професор Московской православной духовной академии Иван Николаевич Корсунский (1849-1899) стоит в ряду наиболее выдающихся исследователей Священного Писания в России конца XIX века. Имя его незаслуженно забыто, хотя некоторые его труды представляют интерес не только для истории русской библеистики, но до сих пор сохраняют научную актуальность. Этот краткий доклад ставит целью обозначить жизненный путь ученого и изложить основные идеи его наиболее важных трудов, дав им посильный анализ современной точки зрения.

Жизненный путь ученого

Иван Николаевич родился в 1849 году в семье бедного церковнослужителя Тульской епархии. Начальное образование он получил в местном духовном училище, затем продолжил его в Тульской духовной семинарии, которую закончил в 1870 году. Отличные успехи в учебе и разносторонние дарования обратили на него особое внимание начальства и он был отправлен на казенный счет в Московскую духовную академию. В 1874 году он закончил академию первым в своем курсе в звании магистранта богословского отделения и 26 июля того же года получил назначение на должность преподавателя греческого языка в Тульскую духовную семинарию.¹

Это назначение было не случайным: оно исходило из научных интересов молодого ученого. Будучи студентом академии, он слушал курс греческого языка у знаменитого ректора академии протоиерея Сергея Смирнова (1818-1889). На четвертом курсе эту же дисциплину он выбрал для чтения пробных лекций.² Изучением греческого языка и словесности он занимался всю дальнейшую жизнь; итогом этой деятельности стало написание докторской диссертации

Несмотря на то, что в Туле его способности были высоко оценены и уже через 2 года он был назначен на должность смотрителя Тульского духовного училища, этот провинциальный город не позволял полностью раскрыться всем талантам Ивана Николаевича — особенно на поприще научной деятельности. Поэтому, когда еще спустя 2 года, в 1878 году, в Московской духовной академии оказалась вакантной должность библиотекаря, он подает прошение о занятии этой должности, и в 1879 году избирается и утверждается Советом академии в желаемом статусе.³ На новом месте он проявил огромную энергию и новаторство. У академической библиотеки не было подробного каталога, поэтому большинство книг пылились на полках, будучи недоступны преподавателям и студентам. Иван Николаевич предпринял титани-

1 Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского. Сергиев Посад, 1900, с. 1.

2 Там же, с. 2.

3 Там же, с. 3.

ческий труд, собственноручно описав 11455 названий книг библиотеки и издав «Систематический каталог книг Московской духовной академии» в 5 выпусках с указаниями (с 1882 по 1889). Первый выпуск был посвящен книгам по изучению Священного Писания и включал 1997 наименований.⁴

Должность библиотекаря Корсунский занимал до осени 1884 года.⁵ После его ухода с этой должности работы над составлением каталога резко замедлились, так что последний не был завершен даже к началу XX века.⁶ Работа библиотекарем и знакомство с разнообразной литературой стало одной из предпосылок последующей блестящей деятельности И.Н Корсунского как ученого-исследователя.

По предложению вышеупомянутого ректора академии протоиерея Сергея Смирнова, который нуждался в преподавателе, помогавшем бы ему читать лекции по греческому языку, Совет академии 9 января 1880 года утверждает Ивана Николаевича в должности приват-доцента по этой дисциплине.⁷ После смерти ректора Иван Николаевич становится самостоятельным преподавателем и является с 1891 года экстраординарным, а с 1898 года — ординарным профессором.⁸

По словам его коллеги А.А. Спасского, «как профессор Иван Николаевич заявил себя двумя драгоценными в этом положении качествами: *прекрасным знанием своей науки и примерной любовью к своему делу*». ⁹ Изучение греческого языка Корсунский продолжал в течение всей жизни. «Эти продолжительные и сосредоточенные занятия греческим языком, — продолжает А.А. Спасский, — сделали Ивана Николаевича его выдающимся знатоком, — таким, какие в настоящее время встречаются только как исключение. Он знал греческую речь во всех ее тонкостях и прекрасно изучил как древнегреческую, классическую литературу, так и и греческие памятники христианской эпохи»¹⁰. Один из рецензентов его докторской работы — профессор МДА В.Н. Мыщын — отмечал, что «знание греческого языка настолько у него хорошо, что что он положительно перестает для него быть мертвым языком, а становится живым, едва не родным».¹¹ Поэтому его лекции по греческому языку были также живыми и интересными.¹²

Будучи лично скромным и общительным человеком,¹³ Корсунский свое хри-

4 Там же, с. 3-4.

5 Колосов Н., свящ. Профессор И.Н. Корсунский / У Троицы в Академии. М., 1914, с. 722.

6 Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 4.

7 Там же, с. 5.

8 Колосов Н., свящ. Профессор И.Н. Корсунский, с. 722.

9 Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 6.

10 Там же.

11 Остроумов Н. Профессор Иван Николаевич Корсунский. Тула, 1900, с. 4. Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 6.

12 Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 6.

13 Там же, с. 12.

стианское мировоззрение подтверждал разнообразными делами благотворительности. Он был бессменным казначеем и основным активистом основанного по его инициативе для помощи нуждающимся студентам духовной академии братства прп. Сергия Радонежского, участвовал в деятельности и других благотворительных учреждений, не был чужд также личной благотворительности уже после смерти стало известно, что все свои гонорары от литературных трудов он раздавал неимущим. По этой причине Иван Николаевич не только был крайне популярной личностью в Сергиевом Посаде, но и был известен под именем «добрейший».¹⁴

Зашитив и издав в 1882 году магистерскую работу¹⁵ он 10 лет потратил на написание докторской диссертации о переводе LXX. Работа над диссертацией¹⁶ вкупе с другими видами напряженного интеллектуального и педагогического труда подорвала здоровье хрупкого организма профессора. Диссертация была представлена им в конце 1897 года, а уже весной 1898 года он был вынужден уехать в Крым на лечение. Несмотря на это, Корсунский еще год продолжал свою активную деятельность. Но к осени 1899 года, когда как раз исполнилось 25 лет его педагогической деятельности, он сильно занемог и ушел в отставку. Скончался Иван Николаевич 10 декабря 1899 года.¹⁷

Научное наследие И.Н. Корсунского

В обширном творчестве Корсунского (его перу принадлежит более 200 книг и научных статей) можно выделить 2 генеральных направления. Во-1-х, *изучение Священного Писания* — прежде всего, построение системы библейской герменевтики и изучение перевода LXX в контексте греческого языка и литературы. Во 2-х — изучение истории Русской Церкви — в частности, деятельности Ее иерархов новейшего времени. Сюда же можно отнести исключительный интерес Корсунского к личности святителя Филарета (Дроздова), особенно в связи с трудами последнего по переводу Библии на русский язык.

Прежде, чем перейти к изложению плодов творчества Корсунского в указанных областях, в целом его наследие можно охарактеризовать следующим образом. Исследования Корсунского, связанные с изучением Священного Писания, безусловно, устарели *фактологически*, поскольку за столетие, прошедшее со дня кончины ученого, появился целый ряд новых источников (огромный пласт представляют собой только кумранские рукописи). Однако его труды устарели *не безнадежно*, ведь

14 *Колосов Н., связц.* Профессор И.Н. Корсунский, с. 724. Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 12-13.

15 *Корсунский И.Н.* Иудейское толкование Ветхого Завета. М., 1882, 11+259 с.

16 *Корсунский И.Н.* Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. Сергиев Посад, 1897, 644+ХII с.

17 Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 14-15.

были основаны на использовании *всех* доступных в то время источников, с которыми ученый работал на языках оригинала. Ценность его исследований по библеистике возрастает оттого, что они построены очень грамотно в отношении *методологии* — а именно методологической нечеткостью страдают многие нынешние исследования. Что же касается трудов Корсунского по новейшей церковной истории — особенно в связи с деятельностью святителя Филарета Московского, — то они остаются непревзойденными.

Деятельность на поприще библеистики

Наибольший интерес на сегодняшний день представляет разработанная Иваном Николаевичем система христианской библейской герменевтики, в которой можно выделить 2 раздела: теоретический и исторический. Данная система изложена в двух трудах ученого: его магистерской диссертации «Иудейское толкование Ветхого Завета» (М., 1882, 11+259 с.) и ее продолжении «Новозаветное толкование Ветхого Завета» (М., 1885, III+327 с.), в основу которого легли лекции, читанные им в московском Обществе любителей духовного просвещения.

Богословский базис для построения герменевтики Корсунский излагает в начале второго труда. Отправной точкой служит воплощения Сына Божия и дарованное им Божественное новозаветное Откровение.¹⁸ Отсюда Корсунский переходит к утверждению о таком единстве Ветхого и Нового Завета, при котором, по словам блаж. Августина, «Новый Завет скрывается в Ветхом, а Ветхий — раскрывается в новом»¹⁹, а ветхозаветная история предстает единым вектором, направленным ко Христу и Его спасительному делу²⁰. Поэтому при изучении и толковании Ветхого Завета с христианской точки зрения возможны 2 основных метода — буквально-исторический и типологический.²¹ Под буквально-историческим он понимает «собственный, самой буквой Писания указываемый смысл последнего»²² Под типологическим — такое рассмотрение лиц и событий Ветхого Завета как прообразов лиц и событий мессианской, т. е. новозаветной эпохи, при котором признается историческая реальность ветхозаветных событий.²³ Третий метод, довольно широко использовавшийся христианскими авторами — аллегорический, при котором лица и события Ветхого или Нового Завета рассматривались как символы определенных духовных понятий или реалий, причем их историзм нередко исключался — Корсунский рассматривает как *вспомогательный*, используемый в целях аскетического настав-

18 Корсунский И.Н. Новозаветное толкование Ветхого Завета. М., 1885, с. 16-19.

19 Корсунский И.Н. Иудейское толкование Ветхого Завета. М., 1882, титул.

20 Корсунский И.Н. Новозаветное толкование Ветхого Завета, с. 20-22.

21 Там же, с. 22.

22 Там же, с. 23.

23 Там же, с. 24.

ления. Ученый особенно подчеркивал, что аллегория пришла в христианскую Церковь изalexандрийского иудаизма, а туда проникла из среды древнегреческих философов, стремившихся возвыщенно и иносказательно толковать грубые древнегреческие мифы.²⁴ Указывая, что в широком смысле аллегория является совершенно субъективным толкованием, зависящим лишь от произвола толкователя, который при этом извлекает смысл, изначально не заложенный в тексте, Корсунский все же выделяет особый вид аллегории — «*философическую аллегорию*», для которой целью толкования Писания является усмотрение в нем известных философских истин.²⁵ В качестве примера философической аллегории он подробно разбирает творчество Филона Александрийского.²⁶ Именно такая аллегория, с определенным «вектором» действия, со стремлением к определенному кругу понятий, и была использована позже и церковными авторами, которые стремились таким образом прийти к известным богословским положениям, также своими корнями уходящими в Священное Писание.

Важным дополнением к теоретическому разделу является *историческая герменевтика*, в которой Корсунский подробно и обстоятельно излагает основные методы толкования Священного Писания Ветхого Завета, имевшие место в истории. Этому посвящены «Иудейское толкование Ветхого Завета» — полностью — и 2-я (большая) часть «Новозаветного толкования Ветхого Завета».

В первом труде ученый рассматривает приемы толкования Ветхого Завета периода Второго храма: приводит правила и многочисленные примеры галахического и агадического толкования иудеями Палестины,²⁷ рассматривает возникновение аллегорического толкования у alexандрийских иудеев, анализирует деятельность предшественников Филона и подробно останавливается на деятельности последнего, а также Иосифа Flavia.²⁸

Кроме обилия фактического материала этот труд интересен выводами ученого: в палестинском толковании сохранялось буквальное толкования, образцы которого представлены в таргумах. При этом появляется идея о *множественности смыслов Писания*, которая становится толчком к возникновению и развитию — особенно в галахической практике — буквализма. Этим термином ученый обозначает, по сути дела, *формализм* в толковании, при котором внешние особенности текста — структура, повторения, формы слов, случайная символика — начинают доминировать над содержанием, становятся руководящими правилами толкования — в результате такой подход извращает первоначальный, т. е. *буквальный* смысл текста.

24 Там же, с. 38-39.

25 Корсунский И.Н. Иудейское толкование Ветхого Завета, с. 224-226.

26 Там же, с. 210-250.

27 Там же, с. 82-179.

28 Там же, с. 179-255.

Отсюда развитие аккомодационных (приспособительных) комментариев в палестинском толковании.²⁹ С другой стороны, вalexандрийском толковании развитие аллегорического метода нельзя оценивать исключительно отрицательно: возникновение философической аллегории ставило своей задачей истолковать Писание в определенном философском контексте,³⁰ что стало, по-сути, первым шагом на пути построения библейского богословия.

2-я часть труда «Новозаветное толкование Ветхого Завета» систематически излагает христианское объяснение различных аспектов Ветхого Завета с точки зрения Нового: ветхозаветной библейской истории и ветхозаветного закона с внутренней и внешней стороны (т.е. в его содержательной и культовой частях). Кроме описательной части, эта работа преследовала и другую цель: показать органичность типологического толкования, широко использовавшегося в христианской Церкви, для ветхозаветной истории и самого библейского текста. (Отвергая обвинения современных ему скептически настроенных немецких ученых в натянутости или искусственности новозаветного толкования мессианских мест Ветхого Завета, Корсунский еще в 1877 году опубликовал интересную статью «Теория аккомодации в отношении к вопросу о новозаветном толковании Ветхого Завета»³¹). В свете современных научных данных можно утверждать, что типологический подход не является исключительно христианским прочтением Ветхого Завета, а зародился уже в период позднего Второго храма у иудеев Палестины, о чем свидетельствует кумранская рукопись «Небесный князь Мелхиседек» (11Q13)³². Так что новые источники подтверждают адекватность методологических установок Корсунского.

Вершиной научной деятельности Корсунского на стыке изучения филологии и богословия стало написание и защита им докторской работы «Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности» (Сергиев Посад, 1897, 644+XII с.). В этой работе Иван Николаевич поставил задачу изучить язык перевода LXX в отличие его от классического языка и проследить его влияние на позднейшую церковную греческую письменность. Попутно он решает целый ряд вопросов, связанных с Септуагинтой: время и продолжительность перевода, возможные переводчики, его достоинство по отношению к масоретскому тексту. Дает подробную характеристику языка перевода LXX — его лексикографии, логической организации,

29 Там же, с. 178-179.

30 Корсунский И.Н. Новозаветное толкование Ветхого Завета, с. 10.

31 Корсунский И.Н. Теория аккомодации в отношении к вопросу о новозаветном толковании Ветхого Завета // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, сентябрь-декабрь, с. 371-376.

32 Подробнее см.: Юрьевич Д., свящ. Типологический метод толкования Священного Писания в рукописях Мертвого моря и христианской Церкви / [XIV] Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2004 года. М., 2005, с. 135-145.

грамматики, стилистических свойств. Наконец, выявляет следы языкового и литературного влияния Септуагинты на разные дохристианские и христианские письменные памятники. Можно только сожалеть, что автору были недоступны найденные полвека спустя кумранские библейские рукописи, которые дали новый ценный материал, особенно в вопросе соотношения Септуагинты и еврейского оригинального текста. Это заставляет признать его работу в некоторой степени устаревшей. Однако глубокая и обширная проработка остальных вопросов — в частности, филологических особенностей языка перевода LXX и его следов в ветхозаветных апокрифах, иудео-эллинистической и христианской письменности, позволяют констатировать, что в большей степени этот труд до сих пор остается непревзойденным — на русском языке — филологически-богословским исследованием Септуагинты.

Церковно-историческое творчество ученого

В заключение невозможно не упомянуть о трудах Ивана Николаевича по составлению биографий выдающихся российских церковных иерархов новейшего времени, за что его однажды называли «новым Плутархом» Русской Церкви.³³ Ему принадлежат десятки статей, среди которых — жизнеописания святителя Иннокентия Московского, епископа Феофана Владимирского, архиепископа Антония Казанского и многих других.

Особое внимание Корсунского привлекала личность святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. Упомянем о труде под названием «О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык», объемом почти полтысячу страниц³⁴. В первой части — исторической — Корсунский подробно описывает внешнюю — событийную — канву деятельности святителя на протяжении более полувека в связи с подготовкой и осуществлением перевода Библии на русский язык. Во 2-ой части — критической — Корсунский на основе 50 основных богословских работ свт. Филарета сначала формулирует систему тех принципов, которые святитель заложил в основу Синодального перевода Библии на русский язык³⁵, затем — дает оценку библейским переводам митрополита Филарета. Работа Корсунского весьма актуальна сейчас в связи с многочисленными дискуссиями о месте и значении Синодального перевода как в истории Русской Церкви, так и в настоящее время. В спорах на эту тему нередко упускают из вида богословские принципы и намерения свт. Филарета в деле перевода. После их уяс-

33 Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского, с. 10.

34 *Корсунский И.Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык: Историко-критическое исследование.* М., 1883, 453 с. См. также: *Корсунский И.Н. Памяти святителя Филарета, митрополита Московского: К истории редакции русского перевода Священного Писания.* М., 1894, 74 с.

35 *Корсунский И.Н. О подвигах Филарета, митрополита Московского...,* с. 454-503.

нения можно дать объективную оценку Синодальному переводу, адекватную поставленным перед ним целям и намерениям, не приижая его достоинство.

Литература

1. *Колосов Н., свящ.* Профессор И.Н. Корсунский / У Троицы в Академии. М., 1914, с. 722-724.
2. *Корсунский И.Н.* Иудейское толкование Ветхого Завета. М., 1882, 11+259 с.
3. *Корсунский И.Н.* Новозаветное толкование Ветхого Завета. М., 1885, III+327 с.
4. *Корсунский И.Н.* О подвигах Филарета, митрополита Московского, в деле перевода Библии на русский язык: Историко-критическое исследование. М., 1883, 453 с.
5. *Корсунский И.Н.* Памяти святителя Филарета, митрополита Московского: К истории редакции русского перевода Священного Писания. М., 1894, 74 с.
6. *Корсунский И.Н.* Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. Сергиев Посад, 1897, 644+XII с.
7. *Корсунский И.Н.* Теория аккомодации в отношении к вопросу о новозаветном толковании Ветхого Завета // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1877, сентябрь-декабрь, с. 371-376.
8. *Остроумов Н.* Профессор Иван Николаевич Корсунский. Тула, 1900, 10 с.
9. Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунского. Сергиев Посад, 1900, 56 с.
10. *Юревич Д., свящ.* Типологический метод толкования Священного Писания в рукописях Мертвого моря и христианской Церкви / [XIV] Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2004 года. М., 2005, с. 135-145.

Священник Н. КОЛОСОВ

**ПРОФЕССОР
И.Н. КОРСУНСКИЙ**

Опубликовано:
У Троицы в Академии. М., 1914, с. 722-724.

ПРОФЕССОРЪ И. Н. КОРСУНСКІЙ.

Иванъ Николаевичъ Корсунскій былъ сынъ бѣднаго псаломщика Тульской епархіи. По окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи въ 1874 году, онъ около пяти лѣтъ служилъ въ Тулѣ въ должности сначала преподавателя греческаго языка, а потомъ смотрителя духовнаго училища. Въ 1879 году онъ перешелъ на должность библіотекаря въ родную Академію, гдѣ сразу же взялся за большой и весьма нелегкій трудъ — составленіе систематического каталога библіотеки, и за десять лѣтъ успѣлъ составить и напечатать пять выпусковъ его, содержащихъ въ себѣ весь обширный богословскій отдѣлъ библіотеки. Не довольствуясь этимъ, онъ черезъ годъ послѣ вступленія своего на академическую службу занялъ въ Академіи еще должность преподавателя греческаго языка — сначала въ качествѣ адъюнкта при покойномъ ректорѣ Академіи протоіереѣ С. К. Смирновѣ, а потомъ и въ качествѣ самостоятельного профессора, и эту должность занималъ почти до послѣднихъ дней своей жизни — съ 1891 года въ качествѣ экстраординарного профессора, а съ 1898 года и ординарного. Въ должностіи же библіотекаря онъ пробылъ до осени 1884 года.

Но какъ ранѣе библіотечная, такъ и теперь профессорская дѣятельность не могли удовлетворить неутомимой и разносторонней натуры И. Н. Онъ усердно и добросовѣстно занимался своимъ предметомъ, и плодомъ этихъ занятій явились, между прочимъ, нѣсколько обширныхъ трудовъ, касающихся филологіи по отношенію преимущественно къ Слову Божію. Таковы его труды: «Іудейское толкованіе Ветхаго Завѣта» (его магистерская диссертациѣ), «Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта», «Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греції», «Труды Московской Духовной Академіи по переводу Свящ. Писанія и Твореній св. отцовъ на русскій языкъ за 75 лѣтъ», «О подвигахъ митр. Филарета въ дѣлѣ перевода Бібліи на русскій языкъ» (удостоено макарьевской преміи), и обширный, трудъ, написанный имъ уже въ послѣдніе годы жизни и представляющій собою его докторскую диссертациѣ: «Переводъ LXX, его значеніе въ исторіи греческаго языка и

его словесности». Кроме того, онъ переводилъ съ греческаго «Творенія св. отцовъ».

Но симпатіи и склонности И. Н. были, главнымъ образомъ, на сторонѣ русской исторіи, преимущественно исторіи русской Церкви и въ особенности въ области біографій русскихъ церковныхъ дѣятелей. Здѣсь онъ былъ вполнѣ въ своей сферѣ и былъ настолько освѣдомленъ, что представлялъ собою настоящую ходячую энциклопедію, живую спра-вочную книгу. Трудно было найти сколько-нибудь извѣст-наго русскаго церковнаго (да зачастую и свѣтскаго) дѣятеля, о которомъ И. Н. оказался бы не въ состояніи тутъ же, не сходя съ мѣста, дать біографическихъ (между прочимъ, и хронологическихъ) и бібліографическихъ свѣдѣній. Имъ, ме-жду прочимъ, написанъ былъ цѣлый рядъ біографій (иногда довольно обширныхъ) русскихъ іерарховъ и другихъ цер-ковныхъ дѣятелей (между прочимъ, рядъ краткихъ біографій ихъ на нѣсколько послѣднихъ буквъ алфавита для извѣст-наго «Біографическаго словаря русскихъ историческихъ дѣя-телей», издаваемаго Русскимъ Историческимъ Обществомъ). Но центральной фигурой въ этомъ сонмѣ, лицомъ, предъ ко-торымъ въ особенности благоговѣль И. Н. и которому онъ преимущественно посвятилъ свои силы и труды — былъ Мо-сковскій митрополитъ Филаретъ и его эпоха. Изъ ряда тру-довъ, посвященныхъ И. Н. этому святителю, въ осо-бенности замѣчателенъ его капитальный и огромный (бо-лѣе 1000 страницъ) трудъ: «Святитель Филаретъ, митро-политъ Московскій, его жизнь и дѣятельность на московской каѳедрѣ по его проповѣдямъ, въ связи съ событиями и об-стоятельствами того времени (1821—1867 гг.)», удостоив-шійся отъ Академіи Наукъ уваровской преміи. Подъ ко-нецъ своей жизни И. Н. принялъ было на себя новый колоссальный трудъ о митроп. Филаретѣ: «Полное собраніе резолюцій Филарета, митрополита Московскаго», съ своими предисловіемъ и примѣчаніями, но успѣлъ лишь начать этотъ трудъ. И если онъ былъ ходячей энциклопедіей по отношенію къ русскимъ іерархамъ вообще, то тѣмъ болѣе былъ онъ таковою въ отношеніи къ Филарету. Помимо всего этого, имъ было написано немало и другихъ статей по но-вой русской церковной исторіи, между прочимъ, описанія нѣкоторыхъ монастырей и мног. др. Имъ же было про-корректировано громадное четырехтомное описаніе рукопи-сей графа А. С. Уварова, составленное покойнымъ намѣст-никомъ Троице-Сергіевой лавры, архим. Леонидомъ. Трудъ этотъ требовалъ и палеографическихъ познаній и громадной доли вниманія.

Но и вся учено-литературная дѣятельность И. Н. составляла только одну сторону его дѣятельности вообще.

Онъ въ равной степени отличался и усидчивостью и подвижностью, и очень много занимался общественною и благотворительною дѣятельностью, въ особенности въ дѣлѣ помощи нуждающимся студентамъ Академіи. Онъ былъ безсмѣннымъ казначеемъ основанного для помощи такимъ студентамъ Братства Преп. Сергія и былъ душою и главнымъ дѣятелемъ этого Братства, въ которое вкладывалъ всю свою душу и для которого несъ массу самого разнообразного труда. Учившіеся въ Академіи за все это время несомнѣнно помнятъ, чего стоили И. Н. одни лишь благотворительные въ пользу Братства концерты, выносившіеся И. Н. въ значительной степени на своихъ плечахъ, концерты, въ которыхъ онъ, кромѣ массы всевозможныхъ и разнообразныхъ хлопотъ, нерѣдко выступалъ даже въ роли исполнителя. Помимо всего этого, дѣятельное и живое участіе принималъ И. Н. и въ другихъ (посадскихъ) благотворительныхъ учрежденіяхъ и въ особенности въ Братствѣ Преп. Сергія и Никона, въ которомъ былъ даже предсѣдателемъ и для кого-то, въ значительной степени стараніями И. Н., былъ приобрѣтенъ и собственный домъ «Убѣжище», гдѣ впослѣдствіи была устроена и церковь. И вообще не было и не могло быть въ посадѣ благотворительного общества и дѣла, гдѣ бы И. Н. не былъ усерднымъ и полезнымъ членомъ.

Само собой разумѣется, что такая разнообразная и неустанная дѣятельность требовала массы времени и не давала покою. И И. Н. дѣйствительно вставалъ обыкновенно въ 4 часа утра (а иногда даже и раньше) и немедленно принимался за перо. У него была хорошая библіотека, и онъ не жалѣлъ средствъ на ея пополненіе (покупалъ иногда, напр., журналы цѣлыми комплектами). Съ 8-ми часовъ утра къ нему уже нерѣдко являлись посѣтители, особенно изъ призрѣваемыхъ, если онъ самъ не уѣзжалъ по дѣламъ въ Москву. Нѣсколько позднѣе онъ уже шелъ своею торопливою походкой въ Академію—на лекцію, въ библіотеку или по другимъ какимъ-либо дѣламъ, при чемъ такъ дорожилъ временемъ и такъ успѣвалъ поспѣвать всюду, что приводилъ въ изумленіе встрѣчавшихся съ нимъ. Однажды, когда онъ только что пришелъ въ академическую библіотеку, туда явился одинъ изъ профессоровъ и, увидѣвъ здѣсь И. Н., котораго лишь за минуту передъ тѣмъ видѣлъ въ учительской, съ непрітворнымъ изумленіемъ воскликнулъ: «Иванъ Николаевичъ! камо пойду отъ духа твоего!» Въ библіотекѣ онъ былъ очень частымъ посѣтителемъ или приходилъ туда на болѣе или менѣе продолжительное время или не надолго, — «забѣгалъ на минуточку», какъ онъ любилъ выражаться—за разнаго рода справками. Нерѣдко при такихъ посѣщеніяхъ онъ развязывалъ неизбѣжный клѣтчатый розо-

выї платочекъ и доставалъ оттуда, всегда въ трехъ экземплярахъ, для академической и студенческой библіотекъ и для самого библіотекаря, какой-либо только что выпущенный свой новый трудъ-- брошюру или книгу.

Любезность и деликатность И. Н. доходили до того, что онъ, при встрѣчахъ со студентами, самъ первый кланялся имъ. Бывали и такие случаи. Приходитъ къ И. Н. по какому-либо дѣлу студентъ и, пока сидитъ у него, собирается дождь. И. Н. одѣвается, беретъ зонть и провожаетъ студента до конца улицы, неся надъ нимъ зонть.

Усиленные труды разстроили здоровье И. Н., и у него открылась чахотка. Лѣчиться ему было некогда, и онъ преждевременно скончался, на 51-мъ году жизни, 10-го декабря 1899 года. Даже на смертномъ одрѣ онъ занимался дѣлами.

Свящ. Н. Колосовъ.